

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневого, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

МАЙ 26 1939 г. ПЯТНИЦА № 29 (808) Цена 30 коп.

Праздник советской культуры

Давно уже стало замечательной традицией показывать в сердце нашей родины — Москве лучшие образцы искусства народов, вчера еще скрывавшихся в нишетах и бескультуре, а теперь поднявшихся, расправивших могучие крылья и достигших огромных высот в своей национальной по форме, социалистической по содержанию культуре.

Декады украинского, грузинского, азербайджанского, узбекского и казахского искусства, проведенные за последние годы в Москве, показали, как многоцветно, как ярко национальное искусство, как неисчерпаемы народные таланты.

Но как ни богаты были представители того или иного народа нашей страны, как ни прекрасно было их искусство, они не могли затмить ни тех, кто выступал до них, ни тех, кому пришлось выступать перед москвичами позднее.

Каждая декада была особой, неповторимой, своеобразной, доказывая, что искусство страны социализма многогранно и, главное, народно.

Киргизия — молодая советская республика, страна, где до революции на каждого его человека приходилось двое грамотных, да и те из среды бай-манашов, — сейчас имеет собственную народную интеллигенцию.

Киргизия, где до Великой Октябрьской социалистической революции на родном языке была издана лишь одна книга — поэма «Землетрясение», — только в минувшем году получила 45 новых книг киргизских писателей, и в стране, где единственными представителями искусства были одинокие акыны, певцы и сказители, — теперь 17 театров, обслуживающих за один год свыше шестисот тысяч зрителей.

Талантливый киргизский народ в течение двух стальных десятилетий вырастил замечательных мастеров во всех областях искусства. Создан национальный театр, появились не только актеры, но и режиссерские кадры. Организован киргизский оркестр и выпущены талантливые музыканты. За короткий срок возникла национальная драматургия, создается национальный балет.

Широко растет и развивается народное самодеятельное искусство. Старейшие певцы, музыканты, акыны переживают поистине вторую творческую молодость. Престарелый кыякчи, исполняющий на кыяке (киргизском смычковом инструменте) — восьмидесятилетний народный артист Муртали Куренкеев слагает замечательные боевые мелодии, занимается с молодыми учениками, выступает на концертах филармонии. Пятидесятилетний акын-орденоносец Калды Айтиев поет в своих стихах, что только теперь он почувствовал себя «джигитом песни». Повестью легким и смелым джигитом может чувствовать себя всякий — молодой и старый — артист, поэт, акын в этой до неузнаваемости изменившейся стране.

Люди, знайте: на востоке новый Киргизстан. Эти горные потоки — новый Киргизстан. Светлые живые соки бубуют в тебе, Алато мой высокий, новый Киргизстан, — так пишет киргизский поэт Ю. Турусбеков.

Киргизия послала лучших представителей своей художественной интеллигенции в Москву на декаду продемонстрировать искусство киргизского народа перед столичными зрителями.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОСМОТР СПЕКТАКЛЯ «АЛТЫН-КЫЗ»

В филиале Большого театра вчера состоялся общественный просмотр первой киргизской музыкальной драмы «Алтын кыз» («Золотая девушка»). Ее текст принадлежит поэту Джомарту Боконбаеву, музыка — заслуженным деятелям искусства В. А. Власову и В. Г. Фере.

Спектакль «Алтын кыз» повествует о борьбе с басмачеством на юге Киргизии в 1930—1932 гг., о победе колхозного строя. Главным действующим лицом спектакля является молодая девушка Чинар, новая женщина советской Киргизии, активистка, один из организаторов колхоза. Народ назвал ее почетным именем Алтын кыз — «Золотая девушка».

В постановке спектакля приняли участие режиссер Омержуа Джетыкышбаев, дирижер — заслуженный деятель искусств Шейше Орозов и художник Гапар

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ

САРАНСК. (От наш. корр.). До Октябрьской революции на мордовском языке не было ни одного перевода замечательных произведений Тараса Григорьевича Шевченко. Произведения его проникли в мордовские села и деревни лишь в русских переводах, да иногда какой-либо бедный странствующий мордвин приносил с собой с далекой Украины хвастливую за сердце песню с украинскими словами. Автор ее долгое время оставался неизвестным.

Только через 60 с лишним лет после смерти поэта, когда была создана молодая мордовская советская литература, появились первые переводы бессмертных стихов Т. Шевченко на мордовском языке. Молодые мордовские поэты с большой любовью занялись за переводы произведений украинского классика.

пей нашей родины, перед руководителями партии и правительства, перед товарищем Сталиным.

Вчерашние колхозники и чабаны, ныне заслуженные артисты и заслуженные деятели искусства — депутат Верховного Совета Союза ССР Абылкас Малдыбаев, Аманкул Кутубаев, Аширалы Боталиев, Анвао Кутубаев, Сайра Виззаева, Шейше Орозов, Гапар Айтиев и Ахмет Аманбаев, — не только композиторы, актеры, художники, режиссеры, они в то же время живые герои советского народа, пес, в которых они сами играют, которые они сами ставят и оформляют.

Киргизское искусство, созданное Великим Октябрем и уходящее корнями в богатейшее народное самодеятельное музыкальное и литературное творчество, близко киргизскому народу. Это — искусство жизни, оптимизма.

Чувство благородной любви к народу, гордое чувство советского патриотизма рождает песни, сказания, мелодии, песни, вдохновляет актеров и музыкантов, определяет стиль работы режиссеров и художников.

Лучшие произведения киргизской драматургии представлены в репертуаре декады. «Айтурек» — прекрасная сказка, написанная по мотивам величайшего киргизского эпоса «Манас». «Алжал ордуна» — драма о героической борьбе киргизского народа с паризмом и бай-манашами. «Алтын-кыз» — правдивая повесть о смелых и доблестных представителях народа.

Нам, писателям, особенно радостно сознавать, что молодые киргизские драматурги и поэты Ю. Турусбеков, А. Осмонов, Дж. Боконбаев, К. Малдыков, М. Токобаев, Т. Уметалиев, К. Джантошев, М. Етебаев, К. Ишмамбетов и другие сыграли огромную роль в развитии киргизского искусства. Они написали первые песни для киргизского театра и тексты многих популярных киргизских советских песен.

Верные сыны и дочери своей социалистической родины, правдивые выразители воле народа, киргизские артисты высокомерно воспитывают могущество своей отчизны, воспитывая в народе священные чувства советского патриотизма.

В своей песне «Присяга» акын-орденоносец Алмыкул по праву поет от имени народа:

Отчизна! Тебе я присягу даю,
Бережь плодородную землю твою,
Хранишь обещану, родная страна,
Вершины до звезд и глубины до дна!

Декада киргизского искусства совпадает с открывшейся вчера III Сессией Верховного Совета СССР. Лучшие представители всех народов, населяющих нашу огромную родину, собрались в Москву, чтобы здесь, в стенах Кремлевского дворца, решать важнейшие государственные задачи. Эти факты еще раз символизируют единство всего советского народа, залог дальнейшего расцвета социалистической культуры.

Декада киргизского искусства — это праздник всего советского искусства, всей советской культуры, праздник могущества творческих сил народа.

Декада киргизского искусства — торжество освобожденного, цветущего народа во славу великого мастера человеческого счастья, любимого отца и мудрого учителя Сталина, чье имя — неиссякаемый источник вдохновения и торжества.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОСМОТР СПЕКТАКЛЯ «АЛТЫН-КЫЗ»

Айтиев. Музыкальная драма «Алтын кыз» богата танцами, которые поставлены балетмейстером Н. С. Холфининым. В заключительной картине, показывающей колхозный праздник, участвует ансамбль Ошского национального театра. Известный акын — народный артист Киргизии ССР Алмыкул Усенбаев поет на колхозном тое песню о дружбе народов СССР, о великом воле народа товарище Сталине. Эту заключительную песню, мелодия которой принадлежит заслуженному деятелю искусств Абылкасу Малдыбаеву, подхватывают все участники праздника.

На общественном просмотре присутствовали артисты, музыканты, художники, искусствоведы, представители печати. Зрители тепло приветствовали участников и авторов спектакля. (ТАСС).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО НА МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ

За активное участие в популяризации произведений Т. Г. Шевченко мордовскими поэтами А. Карасеву, П. Любаеву, К. Абрамову вручены от Шевченковского комитета Украинской ССР бронзовые юбилейные медали.

Тов. Карасев перевел на мордовский язык ряд стихов Шевченко — «У гоу Катерины», «Отчего ти почернела» и т. д. Перевод поэмы «Катерины» на мордовский язык сделал молодой поэт П. Любаев.

Третья Сессия Верховного Совета СССР. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. На снимке: в ложе Президиума Верховного Совета СССР. Слева направо: товарищи Сталин, Маленков, Бабаяв Хивали, Багиров. (Фотохроника ТАСС).

Третья Сессия Верховного Совета СССР. Заседание Совета Союза. На снимке: Слева направо (в первом ряду): товарищи В. М. Молотов, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович в ложе Совнаркома. (Фотохроника ТАСС).

Третья Сессия Верховного Совета СССР 1-го созыва.

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА СОЮЗА 25 МАЯ 1939 ГОДА

Вчера, 25 мая, в 2 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие Третьей Сессии Совета Союза.

Сессию открывает Председатель Совета Союза депутат Андрей А. А. Товарищ Андрей А. А. оглашает перечень вопросов, внесенных на рассмотрение Третьей Сессии Совета Союза.

Депутат Багиров М. Д. предлагает включить внесенные на рассмотрение Совета Союза вопросы в порядок дня Третьей Сессии Совета Союза.

Совет Союза единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Утверждение государственного бюджета СССР на 1939 год и утверждение отчета об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

2. Об образовании Народного Комиссариата Промышленного строительства СССР.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

3. Об образовании Народных Комиссариатов Автомобильного транспорта в союзных республиках.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между Второй и Третьей Сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей принимает постановление — доклад Правительства о государственном бюджете СССР на 1939 год и отчет об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

Совет Национальностей единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Утверждение государственного бюджета СССР на 1939 год и утверждение отчета об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

2. Об образовании Народного Комиссариата Промышленного строительства СССР.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между Второй и Третьей Сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей принимает постановление — доклад Правительства о государственном бюджете СССР на 1939 год и отчет об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

Информационное сообщение О ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ 25 МАЯ 1939 ГОДА

Вчера, 25 мая, в 4 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие Третьей Сессии Совета Национальностей.

Сессию открывает Председатель Совета Национальностей депутат Шверини Н. М. Товарищ Шверини Н. М. оглашает перечень вопросов, внесенных на рассмотрение Третьей Сессии Совета Национальностей.

Депутаты Папан М. П. и Хоштария С. Г. предлагают включить внесенные на рассмотрение Совета Национальностей вопросы в порядок дня Третьей Сессии Совета Национальностей, а также внести предложение — доклад по пункту первому порядка дня заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

Совет Национальностей единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Утверждение государственного бюджета СССР на 1939 год и утверждение отчета об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

2. Об образовании Народного Комиссариата Промышленного строительства СССР.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между Второй и Третьей Сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей принимает постановление — доклад Правительства о государственном бюджете СССР на 1939 год и отчет об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

Совет Национальностей единогласно утверждает следующий порядок дня:

1. Утверждение государственного бюджета СССР на 1939 год и утверждение отчета об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

2. Об образовании Народного Комиссариата Промышленного строительства СССР.

Вносится Советом Народных Комиссаров СССР.

3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период между Второй и Третьей Сессиями и подлежащих утверждению Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей принимает постановление — доклад Правительства о государственном бюджете СССР на 1939 год и отчет об исполнении государственного бюджета СССР за 1937 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза.

ДНЕВНИК ЗАСЕДАНИЙ СЕССИИ 25 МАЯ 1939 ГОДА

Вчера, 25 мая, в Кремле открылась Третья Сессия Верховного Совета СССР. Днем состоялись заседания Совета Союза и Совета Национальностей, происшедшие в этот день.

На заседаниях были утверждены порядок дня Сессии и принято решение — заслушать доклад по первому вопросу — о государственном бюджете СССР на 1939 г. и исполнении государственного бюджета СССР за 1937 г. на совместном заседании обеих палат вечером 25 мая.

В 7 часов вечера зал заседаний Верховного Совета СССР переполнен депутатами. Здесь же присутствуют многочисленные гости — рабочие московских фабрик и заводов, работники культуры, науки, искусства, бойцы, командиры и политработники Красной Армии и Красного Флота. В отдельных ложах — представители дипломатического корпуса. Широко представлена советская и иностранная пресса.

За столом Президиума — председатель Совета Союза тов. Андрей А. А., председатель Совета Национальностей тов. Шверини Н. М., заместитель председателя Совета Союза тов. Лысенко Т. Д., заместитель председателя Совета Национальностей тов. Асланова Ч.

В правительственных ложах появляются товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Л. М. Каганович, Калинин, Жданов, Микоян, Хрущев, Берия, Маленков, члены Президиума Верховного Совета СССР, народные комиссары СССР.

Депутаты и гости устраивают восторженную овацию руководителям партии и правительства. Неусути возгласы: — Ура — товарищу Сталину!

Горячая овация в честь товарища Сталина и его соратников длится несколько минут.

Товарищ Андрей А. А. объявляет совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей открытым. С докладом по первому вопросу порядка дня выступил Народный Комиссар Финансов СССР тов. Зверев А. Г.

Докладчик отмечает, что бюджет СССР на 1939 год является могучим оружием дальнейшего подъема и развития всех отраслей народного хозяйства и культуры, укрепления обороноспособности социалистического государства. В результате блестящего осуществления лозунга сталинских пятилеток достигнуты огромные успехи в области социалистического накопления, еще больше укрепилась советский рубль и вся система советских финансов. Общий объем государственного бюджета СССР составил за годы второй пятилетки 362,1 млрд. рублей по доходам и 348,8 млрд. рублей по расходам. Показавшуюся долю доходов государственный бюджет получил из накопленного социалистического хозяйства.

Гигантски усилились финансовые возможности Советского Союза. СССР располагает огромными внутренними ресурсами, вполне достаточными для того, чтобы в третьей пятилетке обеспечить еще более грандиозную программу народно-хозяйственного, социально-культурного и оборонного строительства.

Докладчик характеризует финансовое положение капиталистических стран. — Все народное хозяйство фашистских государств, — говорит он, — перестроено на военный лад. Бюджеты стран-агрессоров превратились по существу в военные бюджеты. В прошлом году военные расходы Германии достигли уровня расходов 1915—1916 г.г. Такая же картина военизации бюджета характерна и для Италии и Японии. Все это вызывает неизменный рост налогов, которые ложатся тяжелым бременем на плечи трудящихся.

Хронический дефицит бюджетов в капиталистических государствах привел к быстрому росту государственного долга.

Заканчивая доклад, тов. Зверев говорит: — Представляемый правительством на ваше утверждение проект государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик на 1939 год — яркое свидетельство продолжения по руководством великого Сталина подема могучей страны социализма во всех отношениях, по всем линиям (Бурные аплодисменты, все встает, овация в честь товарища Сталина).

По окончании доклада тов. Зверев, председательствующий тов. Андрей А. А. объявляет совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрытым. (ТАСС).

Государственный долг Германии на 1938—39 бюджетный год увеличился на 10 млрд. марок, Италии — на 12 млрд. ир, Японии — на 6,5 млрд. иен.

Все эти факты, — говорит тов. Зверев, — наглядно характеризуют бюджеты капиталистических стран, как бюджеты войны и обнищания народных масс.

Далее тов. Зверев сообщил, что государственный бюджет СССР за 1937 год исполнен по доходам в сумме 96,6 млрд. рублей, а по расходам в сумме 93,9 млрд. рублей. По предварительным данным государственного бюджета СССР на 1938 год был выполнен по доходам в 127,6 млрд. рублей и по расходам — в 124 млрд. рублей.

Общий объем доходов государственного бюджета СССР на 1939 год намечен в сумме 155,607 млн. рублей. По сравнению с 1938 годом доходы возрастут на 28,036 млн. рублей — или на 22 проц.

Подлежащая часть доходов государственного бюджета составляется из платежей социалистического хозяйства. Удельный вес налогов с населения незначителен — всего лишь 4,2 проц. всех бюджетных доходов.

Расходная часть союзного, республиканских и местных бюджетов на 1939 год намечена в 154,957 миллионов рублей против 123,996 миллионов рублей в 1938 году. Почти две трети всех бюджетных ассигнований направляются на финансирование народного хозяйства и социально-культурных мероприятий.

План третьей пятилетки предусматривает дальнейшее повышение расходов на социально-культурные мероприятия. В государственном бюджете на 1939 год на нужды проведения предусмотрено израсходовать 21,051 млн. рублей (прирост 12,1 проц.), на здравоохранение — 8,812 млн. рублей (прирост 15,8 проц.), на социальное обеспечение — 2,342 млн. рублей (прирост 18,2 проц.), на государственные пособия многодетным матерям — 1 миллиард рублей (прирост 9,1 проц.). Расходы на начальную и среднюю школу составят 7,688 млн. рублей.

На год в год увеличиваются доходы и расходы бюджетов союзных республик. По сравнению с 1932 годом они возросли на 326,1 проц. Объем республиканских и местных бюджетов союзных республик на 1939 год исчислен в 38,644 млн. рублей (увеличение на 12,4 проц.). По Туркменской ССР прирост составит 22,4 проц., по Казахской ССР — 20,1 проц. Основное место в республиканском и местном бюджетах занимают расходы на социально-культурные мероприятия.

Перехода в бюджетном ассигновании на оборону, докладчик заявляет: — Могучая Красная Армия и Военно-Морской Флот СССР являются валежными стражами мира, всегда готовыми вместе со всем советским народом ответить двойным, тройным ударом на удар поджигателей войны. Воля нашего народа — еще больше укрепить обороноспособность Советского Союза. На оборону нашей страны по сметам Наркомата Обороны и Наркомата Военно-Морского Флота намечено ассигновать в 1939 году 40,885 млн. рублей. — сообщает докладчик при бурном одобрении депутатов Верховного Совета.

Заканчивая доклад, тов. Зверев говорит: — Представляемый правительством на ваше утверждение проект государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик на 1939 год — яркое свидетельство продолжения по руководством великого Сталина подема могучей страны социализма во всех отношениях, по всем линиям (Бурные аплодисменты, все встает, овация в честь товарища Сталина).

По окончании доклада тов. Зверев, председательствующий тов. Андрей А. А. объявляет совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей закрытым. (ТАСС).

О ЗАСЕДАНИЯХ ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Сегодня, 26 мая, в 11 часов дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится заседание Совета Союза.

В порядке дня — доклад Бюджетной комиссии Совета Союза и прения по докладу о государственном бюджете СССР на 1939 год.

Сегодня, 26 мая, в 6 часов вечера, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоится заседание Совета Национальностей.

В порядке дня — доклад Бюджетной комиссии Совета Национальностей и прения по докладу о государственном бюджете СССР на 1939 год.

В ИЗГНАНИИ МОИ НЕСЧАСТЬЯ

АРНОЛЬД ЦВЕЙГ

Фашизм гитлеровской «Третьей империи» представляет собой наибольшую угрозу всему человечеству. Поэтому немецкая антифашистская литература, борющаяся против гитлеровского мракобесия, следует рассматривать, как литературу, находящуюся на передовых позициях борьбы за идеалы лучшего будущего человечества, за гуманизм, за паролотство, за достоинство человека, за революционное обновление мира. Литературная антифашистская эмиграция неоднородна по своему составу, но все ее объединяет непримиримая борьба за прогрессивные идеалы будущего.

ИОГАННЕС БЕХЕР

В мировоззрении и творчестве Генриха Манна также происходит примечательные и радужные изменения. В сборниках его статей «Непавишь» и «Мужество» уже нет и следа былого панифизма. Характерное самое название книг, Генрих Манн призывает своих современников к самому решительному и непримиримому отпору навалившейся на мир фашистской реакции. Идеи разоблачения фашистской «идеологии» лежат в основе последних беллетристических произведений писателя. Генрих Манн всегда слыл в Германии наиболее компетентным и глубоким знатоком Франции и ее культуры. Темой его последнего романа является Франция эпохи Генриха IV, когда на западе от Рейна народ переживает своеобразную эпоху всеобщего национального объединения.

Безусловно, большой интерес представляет для литературного исследователя и самая проблема возникновения у писателя антифашистской эмиграции особого интереса к историческому роману. Исторический роман занимает огромное место в творчестве не одного антифашистского писателя. Возможно, что через этот литературный жанр писатели пытаются глубоко осознать законы исторического развития народов и всего человечества.

Трилогия Фейхтвангера об Иосифе Флавии, его роман «Лже-Нерон» широко известны в СССР и пользуются заслуженной популярностью. Романы этого замечательного писателя получили признание также и в Англии и в Америке. Эти исторические романы имеют несомненно огромное значение в процессе общего развития активно гуманистического мировоззрения писателя. Особенно велика литературная заслуга Фейхтвангера в том, что еще задолго до захвата Гитлером власти он разоблачил звериную сущность германского фашизма в своем романе «Успех».

Арнольд Цвейг, роман которого «Воспитание под Верденом» занимает столь выдающееся место среди антифашистских произведений художественной литературы в Европе, все более и более приближается к позиции революционного антифашизма. Об этом красноречиво свидетельствуют не только его литературные выступления по актуальным политическим вопросам, но и его последний роман «Возвращение короля на престол».

Бертольд Брехт создает одно за другим прекрасные художественные произведения. Каждая страница, каждая строка его новых произведений насыщены гневом и ненавистью и пламенным призывом к борьбе против фашизма. Особый интерес представляют его «Немецкие сатиры» и «Маленькие драмы», в которых дается такое мастерское изображение повседневной жизни гитлеровской Германии.

Талантливая Анна Зегер, произведения которой хорошо известны советскому читателю, написала четыре крупных романа: «Спутники» (о польской, венгерской и другой революционной эмиграции); «Дорога через февраль» (о пролетарском восстании в Вене в 1934 г.); «Спасение» (на тему о судьбе немецкой рабочей семьи в период захвата власти гитлеровцами) и «Сельский крест» (роман из жизни современной фашистской Германии). Эти романы свидетельствуют о творческой зрелости этой незаурядной писательницы, о расширении ее политического кругозора и об обогащении ее художественного метода.

Многие другие представители немецкой антифашистской литературы также переживают в эмиграции период интенсивной творческой работы, расцвета их художественного таланта. Тема последнего крупного романа Оскара Марии Графа «Беззвезда» — биография рядовой немецкой социал-демократической семьи и политическое размежевание, происходившее внутри ее в наши дни.

«Неистовый репортер» Эгон Эрвин Киш

продолжает свое «освоение» земного шара. После книги очерков о Китае он выпустил книгу об Австралии, а сейчас работает над томом очерков и статей о геологической борьбе республиканской Испании. Книга Киша дышит все тем же страстным чувством горячего художника с обостренным «социальным зрением». Киш умеет в кратком очерке постигнуть глубину явлений и событий.

О несомненном творческом росте свидетельствуют и последние произведения Аламы Шарера и Теодора Ильве, драматурга Юлиуса Гая, некоторые пьесы которого принадлежат к лучшим произведениям немецкой антифашистской литературы. Фридрих Вольфа, хорошо известного советскому читателю и зрителю, и тех писателей, участников борьбы за республиканскую Испанию, имена которых хорошо знакомы читателям нашей страны. Это — Людвиг Ренн, Густав Реглер, Вилли Брелель и Эрх Вайнерт.

Замечательный роман «Маня» (на тему о современной гитлеровской Германии) написала молодая чрезвычайно талантливая писательница Анна Рейвер.

В среде антифашистской литературной эмиграции растет и крепнет талант незаурядного литературоведа, теоретика и историка немецкой литературы Георга Лукача, живущего в Москве. Он продолжает в своем творчестве традиции Франца Меринга, обогащая свой литературный метод идеями, почерпнутыми им в классической школе русской литературной критики (Белинский, Чернышевский и Добролюбов). Немецкая антифашистская эмиграция располагает двумя литературными органами: двухмесячный «Мера и ценность», который издается Томасом Манном (Швейцария) и «Интернациональная литература — Немецкие листы» (Москва).

Немецкая литература в «изгнании» смотрит в будущее, ибо она знает, что победа в борьбе между коммунистическим гуманизмом и гибнущим капитализмом (крайним звериным проявлением которого является фашизм) обеспечена за коммунизмом. Поручку этому то, что все трудящиеся человечество будет в решающий момент поведено в бой под победными знаменами великого вождя народов — Иосифа Сталина.

С каждым в жизни случаются несчастья, иногда имеющие хорошие последствия. Первое из моих несчастий — рождение. Мне было не совсем приятно 10 ноября 1887 года в 12 ч. дня (можно сказать, в самый разгар зимы, если иметь в виду сilesкий климат), променяв телушу приютину мою утробу матери на крепость Глогау, в Нижней Силезии. Таким образом, жизнь моя началась с того, что я был присужден в Германии к крепости. При моем тогдашнем телосложении Глогау на Одере с его валами, укреплениями, окопами казался чем-то гигантским. Во всяком случае я не замечал, что находясь в заключении, если не считать пеленок, в которых нас, младенцев, тогда еще кутали. На улицах города я, в своей детской коляске, встречал очень много солдат, которые косяком, при посредстве наших служак, принимали участие в моем воспитании, оставившее, повидному, неизгладимые следы. После появления моего романа «Спор о сержанте Греше» некоторые группы читателей с изумлением обнаруживали в моей книге следы этого влияния: все, что относилось к описанию военной жизни, непоколебимо устояло против самой строгой критики.

Второе несчастье мое — более сложного характера, и не знаю, следует ли мне вообще говорить о нем где-либо кроме Центральной Европы. Я родился и на всю жизнь остался членом еврейской общины, и в последующие десятилетия мне пришлось затратить много хлопот на то, чтобы как-нибудь перенести это несчастье, против которого пока нет никакого средства обезопасить себя.

Третье несчастье сделало меня революционером. Однажды, будучи еще в дошкольном возрасте, я мирно играл на ухабистой каменной мостовой, и меня перерезал запрятанный парой лошадей железный охотничий экипаж, в котором сидел помещик. Этот красноречивый человек был абсолютно не виновен в преступлении, совершенном его серыми лошадьми, которые, повидному, хотели наказать меня за осквернение продукта их прожорливого навоза. Дело в том, что я подобрал комыя навоза лопаточкой, сделанной из липки из-под ситара, и завернув их в бумагу, раскладывал, как пирожки, по дорожке улицы. И хотя провинение, приняв

помешку на помощь, показало его явную невинность, что и подтвердил вызванный врач для кто-то из свидетелей, пропустивших свою руку между мной и колясками, так что у меня остался только легкий красный след на груди и на ребрах, — у меня все же, повидному, появилась некоторая антипатия к касте людей, развешающих в охотничьих экипажах, — зародыши моих позднейших бурных критических выступлений.

Мое четвертое несчастье привело меня в прусскую школу. Словно недостаточно было того, что я вставал и вытирал руки по швам, когда ко мне обращалось начальство, там приняли меры в том, чтобы я научился читать и писать. За это меня облагодетельствовали тем, что в течение трех первых лет, втискомолку, тайком от моих родителей, обучали христианскому закону божьему.

Пятое несчастье ознакомило меня с социальными вопросами. Оно началось нас из светлого, украшенного всевозможными военными мушкетрами, города Глогау в Верхнюю Силезию, в Катовицы, местечко, которое тогда еще не было жертвой политических страстей, не было еще из-то из дымной и грязной гущи верхне-силезской провинции и лежало по эту сторону германской границы, если смотреть из Глогау. В Катовицы мы поехали в четвертом классе, и это с ранних лет и основательно приучило меня быть совершенно непримиримым к средствам транспорта. В последующие военные годы мне удалось извлечь пользу из моего юного опыта. Но тогда это несчастье — второе знание нас из рай — глубоко печалило меня, и то обстоятельство, что Катовицы находились в Германии, не могло послужить утешением. Меня потрясло и то, что мой новый родной город перешел к Польше. Я еще был недостаточно дальновиден, и смысл этого несчастья понял не раньше 1933 года.

Мое шестое несчастье имело ужасные последствия. Я сбился с правильного жизненного пути и стал писателем. Мои родители хотели, чтобы я стал служащим в культуре, мой учитель желал, чтобы я стал преподавателем; недолгое время, по случайному стечению обстоятельств, я был кинопродюсером; все это профессии, которые могут прокормить человека, занимающегося ими. Но я тогда еще не был зрелым человеком, я был только студентом, и могу поклясться, что без малейшего алого умысла я оплошно вступил на путь немецкого писателя. Я едва решился наемку на то, что это роковое событие было связано с целым рядом других событий, так называемыми издательскими договорами. Было бы нецелесообразно упоминать о тех людях в Мюнхене, Лейпциге и Берлине, которые были соучастниками моего преступления, помогали мне совершать германскую молодежь и разлагать дух моих сограждан: всеми этими делами я, по мнению теперешних германских властей, злонамеренно, не престаю и успешно продолжаю заниматься. Я превратился также в несправедливого покровителя и преступника с тех пор, как стал выпускать книги в Амстердаме и сотрудничать в эмигрантских журналах и газетах, ибо я разоблачил перед всем миром часть тех невероятных ужасов, которыми заслуженно может хвастаться Третья империя.

Следующее мое несчастье увенчало все остальные. Несмотря на мою крайнюю близорукость, мне дали возможность в молодые годы принять участие в той дилетантской авантюре, которая в высших школах изучается, как война 1914—1918 гг. Во время этой авантюры я пережил множество поразительных событий, познал: миссия со многими университетскими людьми; это была большая репетиция и сезонный и заграничный драматическому спектаклю в постановке фашистов. Обработкой всего этого я занят уже давно.

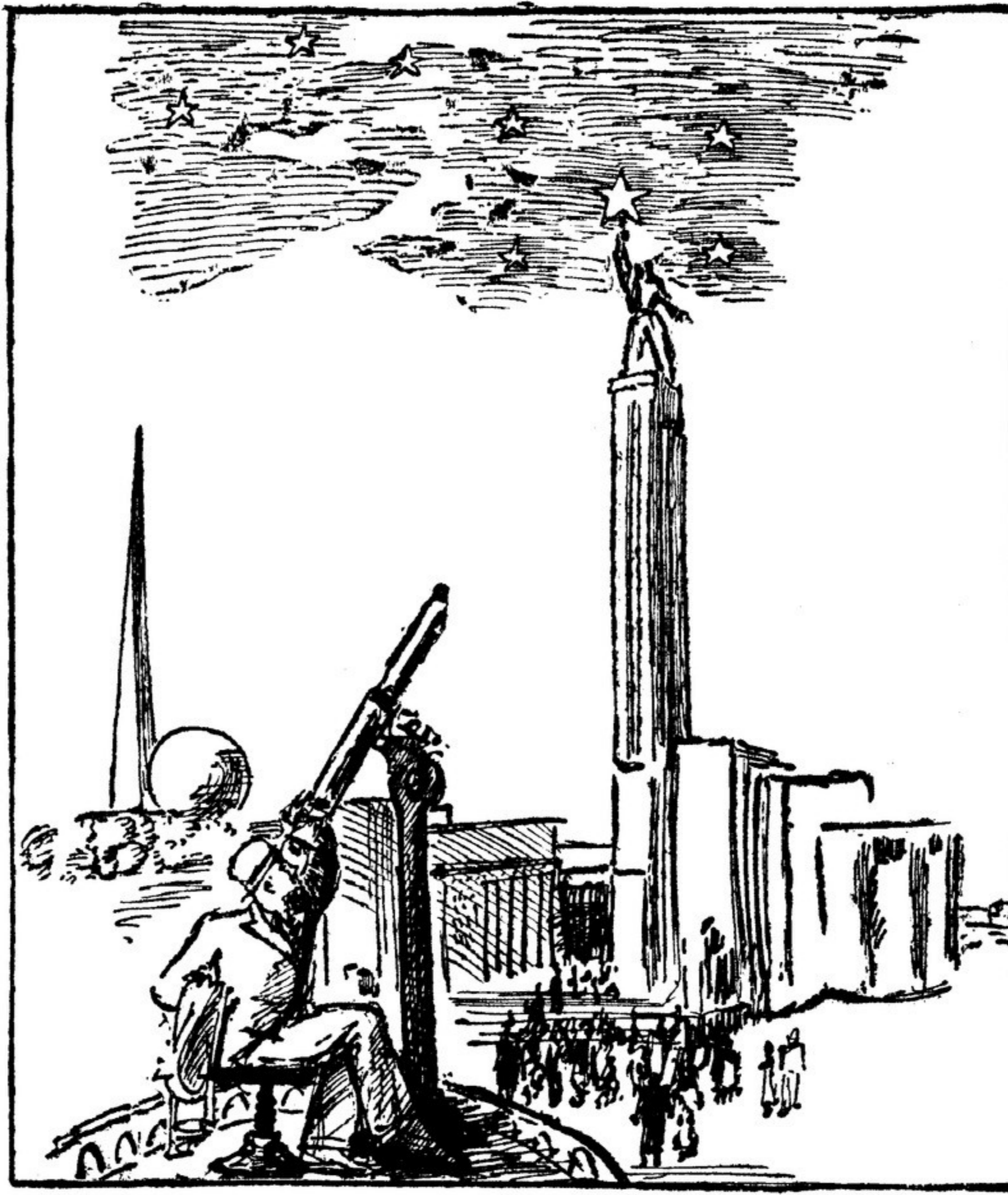
При этом мне иногда кажется, как это бывает в кошмарах, будто действующие лица моих романов вместо серой военной формы одели коричневую и черную и не встречая сопротивления, завоевали мою Германию, мою родину.

Самое ошеломительное несчастье мое было странным образом связано с убийством Вальтера Ратенау, совершенным 24 июня 1922 года. В пылу негодования, совершенно не понимая истинного смысла этого «героического» деяния, я в ту пору написал для журнала «Вельтбюне» Эдмунда Якобсона нето воззвание, нето некролог. Так как Германская республика, после нескольких слабых конвульсивных судорог, примирилась с гибелью этого министра, как то того с убийством министра Эрбергерера, то право-радикальные подстрекатели этого злодеяния с возмущением выступили в прусском ландтаге против таких людей, как я, причем они пропитировали отрывки из моего некролога, вырвав их из контекста и искажая их смысл. Хотя левые депутаты, держа в руках номер «Вельтбюне», исправили это, прочитав фразу полностью, все же в том кратком, фальсифицированном виде, в каком она была доловко преподнесена в первый раз, она подала в просветительный фонд Третьей империи. И таким образом на первом нюрнбергском гала-представлении, в сентябре 1933 года, Геббельс мог по громкоговорителю огласить эту искаженную цитату. Наряду с миллионами построивших людей, она потрясла и моих ровесников, которым я получил охранять мое берлинское имущество и прежде всего слать на все время существования тысячелетней империи на хранение моему небу. Сам я решил вместе со своей семьей перенести кое-что на пополнение нашего образования, наверхать то, что было упущено мною за годы несчастной мировой войны, обзавести главные города других стран и пожить в лучшем климате. Но мои товарищеские, напуганные голодом маленького министра, растерялись, сделали что-то не так, обратили на себя внимание гестапо, и это привело не только к конфискации моего имущества, но и к повестке о налоге в 16.300 марок.

Неуловчиво оставившие последствия этих мероприятий, Третья империя подготовила для меня новое деяние несчастья, самое серьезное о времени моего детства. Ей было угодно не оставлять в покое своих жертв — евреев, и в Палестине, где мне пришлось поселиться, она стала подстрекать арабские отряды, платить им определенное жалование в валюте, отличию вооружения их и прислала им немецких конструкторов, которых, кроме всего прочего, снабдила беспоросами, ручными гранатами и минами. Эти происки заставили государство, имеющее манат, — Англию — сосредоточить в Палестине крупные военные силы.

И вот случилось так, что спустя пять дней после крупных погромов в Германии, когда мы, по дороге в Тель-Авив, остановились, чтобы пропустить встречные военные машины, танк, у которого отказался служить тормоз, круто повернув, ударился о небольшой экипаж, в котором сидел я; правый им мой сын. Он получил очень незначительное сотрясение мозга, а я такое сильное, что в результате оказалось больше чем когда-либо в жизни оторванным от современности. Да, из-за этого деятого несчастья я еще до сих пор очень смутно представляю себе, что наделано там систематически поголовными и проведенными погромами. Ибо я еще не вполне здоров, и мне советуют уберечься, а разве можно лучше беречь себя в 1939 году, чем возможно меньше сопиркаться с современной капиталистической действительностью!

Таковы те деятые несчастия, которые я испытал до сегодняшнего дня, не считая двух премий, двух неспирогных глаз и страсти к курению трубок и к фруктам, которая когда-нибудь доведет меня до могилы.

«Новая звезда»

Рисунок М. Абрамовича.

М. ЛИФШИЦ

ОНОРЭ БАЛЬЗАК

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Романы Бальзака давно уже стали для нас образцом литературного реализма. Между тем, представления о жизни, философия и политические взгляды Бальзака по меньшей мере устарели. Что же осталось? Осталось великое мастерство в изображении жизни, мастерство, которому нужно учиться. Но мастерство — понятие отвлеченное. Во время битвы при Фонтенуа французцы, сняв шляпы, вежливо обратились к английской колонне: «Господа, стреляйте первыми». Для этих людей, говорит Стендаль, была приспосаблиена поэзия аббата Делая. «И после этого требуют, чтобы эта поэзия нравилась французам, который был в отступлении из-под Москвы!» Замечание Стендаля поистине гениально. Каждый шаг вперед в художественном развитии человечества имеет свое историческое содержание. Великое мастерство Толстого было отражением одной из существенных сторон народного движения 1861—1905 гг. Вообще мастерство писателя не есть способность чисто субъективная. В ней раскрывается язык ведей, объективный разум исторических явлений.

Маркс говорит: «Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа». Гений Шекспира связан невидимыми нитями с народной массой «веселой старой Англии» — грубоватой, но энергичной, не уважающей рабства, озабоченной смелым воображением и демократическим чувством справедливости. Человек Шекспира имеет мало общего с современным национальным типом англичанина, представленным в произведениях Киплинга, Кони-Дойла и Герберта Уэллса. Между ними — столетия капиталистического развития, которые уничтожили «шекспировского горного Помпаля» — эту основу английской нехоти, полуфеодалской аграрной демократии XV столетия, «Утопия» Томаса Мора и всей литературы эпохи Возрождения. «Славная революция» 1689

года, в которой господствующие классы поминались друг с другом за счет народа, сделала искусство Шекспира более невозможным. Сложилась типичная черта буржуазной цивилизации в Англии: смесь грубого эмпиризма и религиозного ханжества, дух компромисса, парламентский критизм, коварство внешней политики. Только настоящие адвокаты народа — поэт Роберт Бернс, гениальный публицист Вильям Коббет — сохранили живые традиции шекспировской Англии.

Энгельс однажды заметил, что итальянская история создала «вечественные» характеры недосыгаемо-классического совершенства, от Данте до Гарибальди». И та же история породила смешные и пошлые маски, которые из жизни перешли в комедию — маски Сганареля и Дулькамара. В правильности этого замечания легко убедиться, если сравнить классические традиции итальянской культуры с современной фашистской комедией. У каждого народа есть свои великие традиции и свои комические маски, созданные столетиями унижения и господства чужеземных или отчужденных душителей.

Подобно всякому гениальному писателю, Бальзак принадлежит всему человечеству. Но вместе с тем его творчеством заключает в себе черты французского национального характера. Об этом национальном характере можно получить правильное представление, если судить о нем по дипломатической истории молоточного соглашения и некоторым другим явлениям общественной жизни современной Франции.

Совсем незлобно писатель Ж. Жюно не постеснялся осквернить французскую литературу похабным доулом: «Лучше жить на козлях, чем умереть стоя». Нельзя отрицать того, что в этих явлениях есть нечто от Сганареля и Дулькамара в худшем и далеко не веселом издании.

Франция, которой принадлежит Бальзак, имеет гордые традиции. На исходе мировой войны вышла замечательная книга Р. Роллана «Бюла Брюнонь». Этот Кола Брюнонь был представителем целой династии Брюноньев — простых людей, жизнерадостных и трудолюбивых, могучих, как великаны Раба. Династия Брюноньев создала первый расцвет французской культуры в эпоху Возрождения, вынесла на своем горбу бремя религиозных войн, абсолютной монархии и буржуазной цивилизации. Это были мирные люди, но обладающие здоровенными кулаками и совсем не панифизмы во что бы то ни стало. Потомки Кола Брюноньева участвовали в разрушении Бастилии 14 июля 1789 г., они защищали французскую землю от нашествия пруссаков и австрийцев. Главное, чем обладала эта замечательная порода людей, в чем они были настоящими волшебниками, — это талант к труду, труду, обогороженному искусством, беспоконным стремление к высшему развитию всех заложенных в человеке способностей. Без этой драгоценной черты французского народа мы не имеем бы архитектурных созданий Леско и Лавоара, скульптуры Гужона, коллонады Лувра, садов Ленотра, великолепной литературы, которая в течение столетий служила образцом для поражаемых.

Таковы национальные традиции, унаследованные Бальзаком. Одно из его произведений называется «Поиски абсолют». Это название может служить девизом всей «Человеческой комедии». Главное содержание романов Бальзака — ненавистное, безразличное стремление от питшего и выстрадавшего во всех областях человеческой жизни. Его Рафаэль из «Шагреневой кожи» охвачен желанием извлекать все, что может быть богатая наслаждениями жизнь. Он погибает вследствие противоречия между двумя словами: хотеть и мочь. Отец Горю — мученик совершенной родительской любви. Евгения Гранде — образец грандиозного самопожертвования.

Художник Фрегофер стремится к абсолютно верному изображению жизни, и эти поиски совершенства становятся болезненной манией, которая губит его картину. Клас жертвует всем ради осуществления несбыточной научной фантазии. Растиньяк — гений честолюбия, Гобсек накапливает сокровища, наслаждаясь потенциальной властью, которую заключает в себе золото, он работает, как художник, иноведущий принцип «искусство ради искусства». Бальзак невидит буржуазное общество. Это так. Он изображает чудовищные, односторонние формы, которые принимает в этом обществе развитие могучей индивидуальности. Но он уважает в своих героях, даже наиболее отрицательных, величие характера, виртуозное преодоление трудностей любого жизненного материала, ровное стремление вперед в достижении поставленной цели.

В Бальзаке вполне применимо то, что Маркс говорит о классике политической экономии — Рикардо: «Рикардо рассматривает капиталистический способ производства, как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства, и Рикардо вполне прав для своей эпохи. Он хочет провозгласить для производства и он прав. Возражать на это, как делали сентиментальные противники Рикардо, указанием на то, что производство, как таковое, не является же самоцелью, значит забывать, что производство ради производства есть не что иное, как — развитие богатства человеческой природы, как самоцель. Если противопоставить этой цели благо отдельных индивидов, как делал Сисмонди, то это значит утверждать, что развитие всего человеческого рода должно быть задержано ради обеспечения блага отдельных индивидов, что, следовательно, нельзя вести, к примеру скажем, никакой войны, ибо война ведет к гибели отдельных лиц».

«Развитие богатства человеческой природы, как самоцель» — вот формула для определения жизненной идеи Бальзака. Его герои не могут довольствоваться растительным прозябанием, овечьим благополучием. Его возмущает варварское равнодушие, с которым рыпаны туге набойной молоты взрывают на гибель великодушных сокровищ культуры и драгоценных человеческих возможностей, поскольку все это не затрагивает их сытого существования. Героический богатырский дух, превосходящий мускулатура стили проникает собой произведения Бальзака. Он невидит из всей души миротворцев-фильтров, которые, путая человечество трудностями пути, стремятся совлечь его с большой дороги истории и упрятать в какую-то призрачную хижину идеи Тома. Бальзак горит предпочтением им деятелей революции. Он набрасывает идеальный образ Мишеля Кретьяна, героя баррикадной борьбы у монастыря Сен-Мери. Он пролагается переход фигурой Палла Феррарте, созданной изображением Стендаля. Он говорит в одной из своих статей: «Пусть мрачный и отчаянный гений напишет прекрасное произведение и выветит в нем республиканца, заговорщика, который хочет превратить всю Европу в великую республику и способен очаровать читателя, — я стану рукописывать этой статуе, восхваляя ее, не ставя автору в упрек, что он изобразил Спартака, а не Людовика XIV».

Бальзак — фанатик восторженности, большой культуры. Кажется странное, что это преклонение перед развитием от низшего к высшему привело его не к Спартаку, а именно к Людовику XIV. Как это произошло? В «Крестьянах» Бальзак рассказывает историю одного помещика, принадежающего когда-то фаворитского Гейриха IV. Последствием оно перешло к откупщику Буре, который истратил однажды два миллиона на прием Людовика XV. Капиталист подарил его своей любовнице, актрисе Лагер. После смерти отставной куртизанки немые купил разбогатевший генерал императорской гвардии — Мондорне, которого местное население презрительно окрестило «обойщиком». Замок, парк, каменная ограда, выильоны — все это вместе было замечательным памятником искусства и, несмотря на различные переделки, сохранилось во всем своем совершенстве.

По затем наступил конец. Крестьяне окружающий деревень рассматривали теробитую поместья как свою законную собственность. Им не удалось разделить ее между собой во время революции 1789—1793 гг., но, руководимые деревенскими ростовщиками Ригу, они вступили постоянную густую борьбу против владельцев замка и в конце концов побеждают. Поместье Эг распадается по частям, его покупают сельские богачи и снова пускают в оборот, разделив на тысячи мелких участков. Крестьяне обмануты, буржуазная кли-

ка торжествует, парк вырублен, замок разрушен. Вандалы собственнического сознания, как страшный смерч, уничтожила бывшее великолепие. Грудная демократия казалась Бальзаку парством всеобщей несущественности. «Каким останим мы после себя дворцы, дома, какие шпилье золотом ткажи?.. Мы готовим вокруг Парижа вторую римскую Кампанью, к тому времени, когда пронесется с севера ураган разрушит наши дворцы из гипса и все наше картонное великолепие».

Чтобы избежать этой мрачной перспективы, Бальзак соглашается на любые условия. Власть королей и дворян, банкиров и даже разбогатевших «обойщиков» кажется ему дешевой ценой, заплатившей за сохранение большой культуры. Из элементов учения Фурье и феодально-социализма он создает несбыточную социальную утопию. В «Снегах из сельской жизни» можно обнаружить даже баналитаристские идеи. История зло посмеялась над этим доверием к высшим классам. Империя Наполеона III явилась злошей карикатурой на классовую иллюзию, придуманную Бальзаком в романах «Деревенский доктор» и «Сельский священник». Флюбер, писавший в эту эпоху, изобразил нам парство скуки и мещанского агонизма, гораздо более мелкого, чем агонизм Растиньяка. После поражения Парижской коммуны Станарель и Дулькамара снова торжествуют в правах «третьей республики». Чтобы понять дальнейшее загнивание высших классов во Франции, нужно обратиться к ленинским тетралям по империализму.

Бальзак не знал, что первым условием для сохранения и развития культуры большого общественного масштаба является уничтожение классов. Но эту ошибку искупает превосходное искусство Бальзака. Он посматривает сегодняшних «обойщиков», которые ради своего «картонного великолепия» готовы спокойно смотреть на разрушение культуры.

Один из героев Бальзака говорит, обращаясь к посредственному художнику: «Вы охватываете внешность жизни, но не выражаете ее бытие через край изытания». Ошущение избытка жизни излучает тайну мастерства Бальзака. «Развитие богатства человеческой природы, как самоцель» — вот завещание великого художника, обращенное к современным людям.

С чего начинается полет птицы?

Только сегодня мы моментами находим правильную линию в оценке итогов текущего театрального сезона. До того многие товарищи разменивались в своих выступлениях на мелочи. Мелкие факты, впрочем, тоже очень нужны, они иллюстрируют мысли ораторов. Но вот наша задача не заключается в том, чтобы ставить отметки отдельным спектаклям истекшего сезона. Основная наша задача — уловить тенденции развития советского театра и, что гораздо важнее, характеристики его нынешнего состояния, суметь поставить правильный прогноз его развития в непосредственном будущем.

Тов. Солодовников говорил в первой части своего доклада об увеличении количества постановок, об уменьшении в истекшем сезоне количества снятых спектаклей. Это все явления безусловно положительные. Производственные планы театров стали более насыщенными. Вместо одной постановки в год театры стали выпускать их гораздо больше. Но говорить сейчас нужно и о другом.

Флобер, говоря в своих письмах об явном своем приходе, замечает, что тот приобрел часы и потерял воображение. Здесь много говорится о том, что в наших театрах стало скучно, неинтересно, скажем просто и образно — наши театры потеряли воображение. Нет достаточно воображения у наших драматургов, нет воображения у наших театров. Тов. Солодовников указал на необходимость основного элемента в искусстве — элемента условного. И это место в его докладе необходимо отметить, как положительное явление. Подобные слова в нашей среде прозвучали за последние время впервые. Элемент условного театру необходим, без него нельзя дышать в нашей работе. Условное велит к настоящей правде в искусстве, нет условного вне воображения.

Тут много говорилось и о смелости. Тов. Левицкий заявил, что еще до того, как это слово прозвучало в нашем собрании, о нем всюду пошли разговоры. Я готов сделать некоторую уступку. Давайте, если не говорить о смелости, то хотя бы не бояться ее. А в наших театрах условное стало призраком, которого все боятся. В нашей работе главное всего образное, то образное, которое встречается в каждом шагу в текстах Пушкина, Тургенева, Достоевского. Не из полемических соображений я, коснувшись темы образного, хочу кое-что сказать о МХАТ.

Я согласен с положением, выдвинутом т. Марковым о том, что от «сочахания» больше всех страдает сам МХАТ. На днях я был приглашен в город Ениск — познакомиться с его театральной школой. В этой школе 4 класса, 7 групп, 7 педагогов — по сценической практике, актерскому мастерству и т. д. Вхожу в одну группу. Прорабатывается эпизод Луизы и Миллера из «Коварства и любви». Педагог подбавляет сцену и затем говорит своим питомцам: «Что же вы не общаетесь? Общайтесь, пожалуйста». Вхожу в следующую группу. Снова об общении. Когда это же повторилось подраб почти во всех семи группах, это меня озадачило. Но секрет этого явления очень простой. Константин Сергеевич Станиславский, удивительно хорошо излагавший свое учение устно, изложил основы своей театральной системы в книге «Работа актера над собой» в форме, быть может, слишком наивной и слишком прямой. В этой книге король системы Станиславского оказался голым. К сожалению, этого о последней книге Станиславского никто не сказал.

Мы жалуемся на то, что не оспаривают ОТ РЕДАКЦИИ: Печатаю интересную дискуссионную речь народного артиста СССР С. М. Михоэлса на собрании актива работников театрального искусства, редакции «Литературной газеты» приглашает товарищей высказаться на страницах газеты по вопросам драматургии и театра в связи с окончанием театрального сезона.

наших спектаклей, а вот критика и сами театры, наши актерские коллективы замолчали совершенно последние книгу Станиславского; об этом говорят у нас только между собой в театральных кулуарах, вслух выражать свои сомнения считается зазорным. Но как только вы удалитесь на расстояние одного часа езды от Москвы, — вы встречаетесь с тем, как это учение превращается в непосредственную театральную и педагогическую практику. «Общайтесь» — прозвучало повсеместно, но самое «общайтесь» только пустой звук, который ничего не говорит ни сознанию, ни воображению актера и ничему решительно не может научить.

Приехал из Ениска домой, я сейчас же подошел к книжной полке и достал оттуда книгу «Работа актера над собой». Раскрываю главу «Общенье», читаю: «В зрительном зале висит плакат «Общенье»; причем Торпов спросил: «С кем или с чем вы общаетесь?» Ясно, что если это положение, критически переработанное, неразженное, неутонченное, попадает на места, в руки малоопытных и лишенных театрального воображения режиссеров и педагогов, — оно становится орудием против МХАТ и против его системы. Так логически, начестьки усвоенное учение Станиславского, изложенное в его книге, становится не фактором прогресса нашего театрального искусства, а тормозом, задерживающим его развитие.

О воображении, о творческой фантазии, необходимой каждому режиссеру и актеру, у нас почему-то не принято говорить, на это никто не обращает внимания. Здесь говорилось о том, что не может быть много опыта, кроме мхатовского. Я с этим не согласен. Завывая это, я ничуть не снижаю ни высокой степени мастерства, ни огромных заслуг МХАТ, ни актуальности творческой борьбы, которая происходит в его недрах в настоящее время. Но не единым МХАТ жив человек! Я вспоминаю, как при прошлом руководстве Комитета по делам искусств мне было буквально заявлено: «МХАТ — это потолок». Это неверно! У нас не может быть абсолютной непогрешимой веры в единственные приемы режиссерского и актерского мастерства. Почему дерзает Кокляк, подвергая риску свою жизнь и устанавливая все новые и новые «потолки» советского летного мастерства, а мы такого же права на риск в театре не имеем? Кто может нас лишить права поднять этот «мхатовский потолок»? Конечно, прежде всего, это дело доверия. И вот я обращаюсь к руководству Комитета по делам искусств — поверьте еще кому-нибудь в огромной и многообразной семье советских театров, кроме МХАТ!

Вспоминаю один еврейский рассказ — о Ребе-бейлаке, который сидел дома со своей женой, мечтавшей о богатстве. Жена говорит: «Кто богаче всех? — Конечно, царь». Но ребе отвечает: «Если бы я был царем, то был бы еще богаче». — «Почему?» — «Я бы богаче царя умножил, подучивая своих учеников». Все может быть, товарищи из Комитета по делам искусств; если вы поверите нам, то и мы чего-нибудь добьемся.

Тов. Солодовников сказал очень хорошо о том, что надо учиться у МХАТ. Я тоже говорю, что надо учиться у МХАТ. Но когда т. Чирков бросил реплику о том, что и МХАТ надо учиться, то т. Солодовников ответил, что МХАТ учится у жизни. Получается так: МХАТ учится у жизни, а мы все учимся у МХАТ, мы оживаемся у жизни в племяниках. А, может быть, я сам могу учиться у жизни. Я, может быть, поучусь у жизни, у МХАТ, у себя самого, у Дидро и у многих, многих других. Может быть, мы тогда окажемся еще богаче самого царя. У нас почему-то установился непонятный обычай. МХАТ — действительно колоссальное явление театральной культуры. Но когда у нас в прессе говорят о спектаклях этого театра, то это делается в какой-то особой салонной манере. Например, раздается иногда и похвалить МХАТ, но при этом обязательно сделать похвальный реверанс. Я думаю, что этот обычай вредит прежде всего самому МХАТ — культурнейшему, живому, талантливейшему советскому театру.

И вот нужно довериться, не боясь основного, ценнейшего, образного. Я так рассматриваю некоторую порочность ряда постановок МХАТ в последние сезоны (неодолженность, несовершенство, временная поверхность). В какой-то степени это, конечно, результат поисков нового, еще неизжитого.

Но дело в том, что ряд театров с легкой руки МХАТ весь этот и прошлый сезон провел под знаком перегибов в сторону аналитического метода. Психологически-аналитический метод занял первенствующее место в театре. Режиссеры «анализируют», «оговаривают», набивают оскомину, но редко дают актеру и сообщающему спектаклю воздушную образную мысль. Психологические же проансы они прямо вскрывают тончайшим ланцетом. А синтетическая сила театра, представляющая важнейшую сторону искусства, — это синтетическое устранено.

Вот почему смущает вопрос о том, как работают по книге Станиславского, который сам умел замечательно творить синтетически. Для этого достаточно вспомнить его изумительную работу «Горячее сердце». Впрочем, этого и доказывать не нужно.

Для иллюстрации приведу последний мой разговор, который у меня был с Константином Сергеевичем в Барвихе в 1937 г. К. С. Станиславскому уже трудно было дышать, он жил с затрудненным дыханием. Как-то он спросил меня: «Как вы думаете, с чего начинается полет птицы? Эмпирически рассуждая, человек, как я, ответил, что птица сначала расправляет крылья. «Ничего подобного, птица для полета прежде всего необходима свободное дыхание, птица набирает воздух в грудную клетку, становится гордой и начинает летать». Это было сказано в частной беседе. Даже в определенном физиологическом самочувствии К. С. Станиславский размышлял образно.

Но, к сожалению, этого образного у него не взяли, потеряли его. Ведь Чехов — тоже не только реалистический писатель, «обнадеживший психологические глубины», он даже и символист. «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры», — в этих пьесах очень много символического в хорошем смысле этого слова, много образного. И мне порою кажется, за последние время, что чайку, как эмблему, в МХАТ поместили на занавес, но со сцены она исчезла, упорхнула.

Вот еще над чем следует призадуматься. Где мы черпаем художественные идеи, художественно-пейные, которым должно быть насыщено наше театральное искусство. В публицистике? Но это явно недостаточно. Публицистика несомненно нужна и художнику, она обогащает процесс нашего мышления, наше сознание. Все это верно. Но пока мы идей не оденем для нас в образную форму, — нет искусства. И вот, во время споров о формализме, несколько лет назад, мы вместе с собой вышлестули и образ, понятие об образном.

Это явление необходимо констатировать как итог целого ряда наших театральных сезонов, а не только последнего. В последние годы как раз попытки реставрировать живые образы на сцене наших театров. Но вообще нынешний театральный сезон какой-то серый. В прошлом МХАТ неоднократно понимался до значительных высот в воплощении образного на сцене. Но в свой символ веры он превратил не эти свои достижения образного, а психологически-аналитическое «общайтесь».

Второе, что мы утериали, — это актерская пластическая культура. Она совершенно исчезла. Мне рассказывали, что как-то К. С. Станиславский, давая указания пошему актеру, говорил: «Вы поете, вы замолкаете, но падеж ваш еще продолжает петь». Еще до Константина Сергеевича Станиславского поэт, у которого социальное положение было не слишком благополучным, потому что он по совместительству был также и царем (я говорю о царе Давиде), так определил свои песнопения: «Все кости мои разговаривают, все кости поют», — поет все существо всего человека. Но когда в работе над сценическим образом выпрыгивает из всего синтетического комплекса только одно — его психологическую сторону, чувство и только, — то этого явно недостаточно. Пластическая сторона, жест — не формалистического происхождения, жест — само существо.

Что такое слово? Слово можно себе представить в виде пугача; автор, драматург, режиссер забрасывают удочку и вылавливают рыбку в виде слова, а рыбка трепещет, живя еще инерцией хода пугача. Вот он — подтекст. Это не только паузы, фигуры умолчания, сюда прибавляется еще вся многообразная выразительная сила этих скупых, обнаженных частей человеческого тела — его рук, лица, а кому повезло, то и лысины.

В недавню опубликованной в «Правде» статье т. Фалеева, очень ценной, интересной и своевременной, я не понимаю одного места. Что это значит «не быть похожим друг на друга»? В искусстве это не может быть самоцелью. Иван Панаевич и Иван Никифорович не были похожи друг на друга. У Ивана Ивановича голова была похожа на рыбку хвостом вниз, у Ивана Никифоровича — на рыбку хвостом вверх. Но все же они были похожи друг на друга, как две капли воды. Вопрос не в том, чтобы не быть похожими друг на друга, а чтобы вообще «быть похожим на что-то».

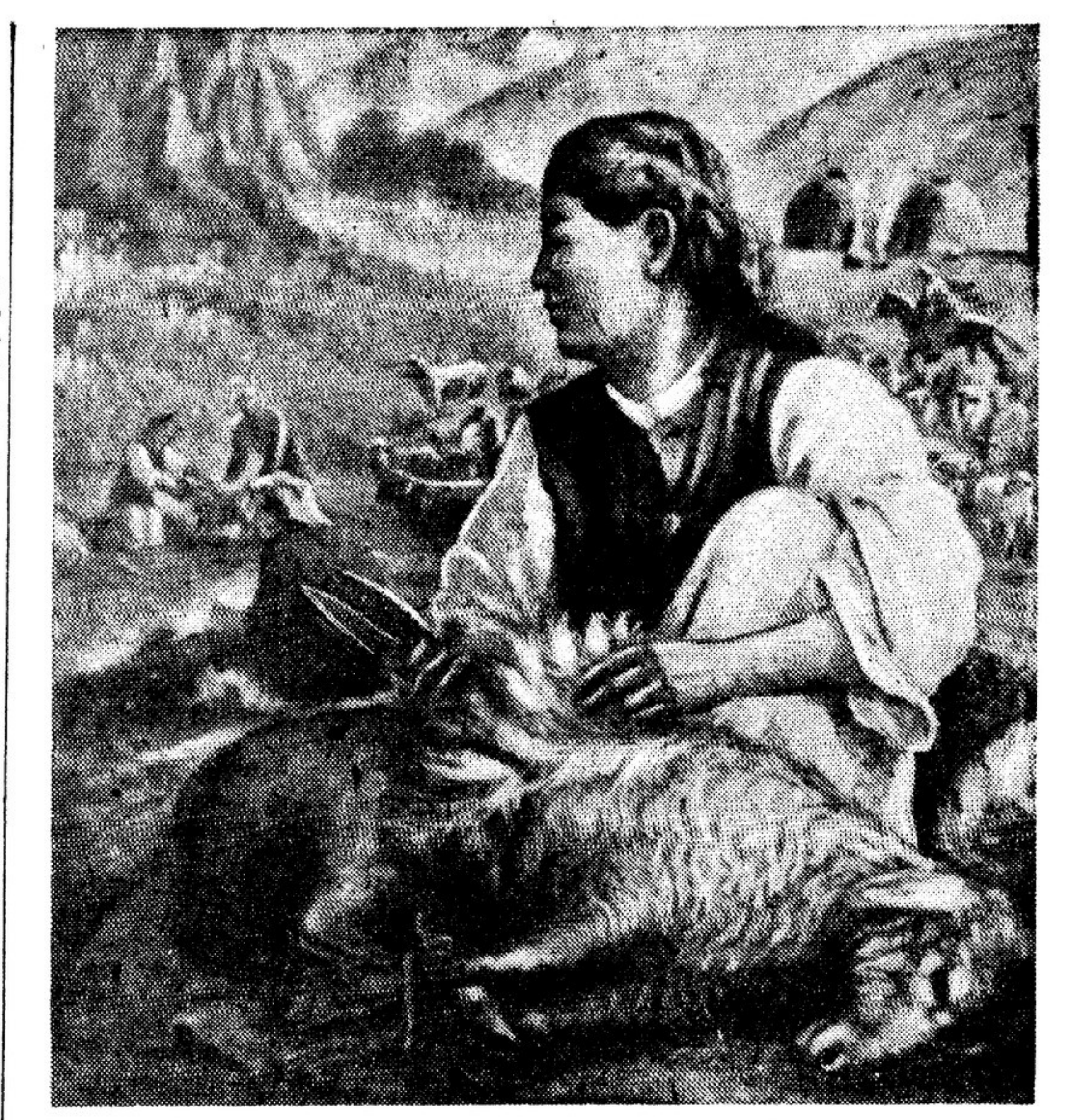
Важно в работе над сценическим образом иметь какую-то свою силу, свою внутреннюю мысль, собственное неповторимое понимание, собственный подход к решению поставленной задачи.

Крупнейший мастер нашего советского театра, Владимир Павлович Немирович-Данченко, удивительно умный, тонкий мыслитель, рассказав в своей книге «Из прошлого» о том, как рождался спектакль «Чайка». Это самое лучшее место в книге. В нем рассказывается, как было найдено в спектакле то действенное начало, которое скрывалось глубоко под поверхностью, казалось бы, обыкновенного, житейского текста пьесы. Все искусство театра сводится к тому, очевидно, чтобы в совершенно как будто неожиданном месте найти ключ к пьесе, которую он ставит. Повезло — нашли, а не нашли — значить явная творческая неуча. Ключ надо находить и к Шекспиру, и к Мольеру, и к Тургеневу, и к Достоевскому, но особенно важно умение находить эту «отмычку» при постановке современных пьес.

Беза наша заключается в том, что мы с первой же минуты, как прочитаем пьесу, начинаем излагать чисто публицистически, что является изрядным образным синтезом ее, а после этого приступаем к длительному и подробному психологическому анализу. Это инкуба не ветет. Раньше должен роиться образ, система образов, мир образов. В этом основа и смысл каждой постановки. Нужно ставить не столько «Волка» или «Получившие салы», а прежде всего Леопольда, образный мир, мироощущение и понимание действительности этого крупного советского художника.

Почему я в данном случае заговорил о «Волке», как о чем-то положительном, интересно? Потому что мне, как актеру, важно, чтобы текст, который я произношу со сцены, состоял не из солом, а из настоящих живых и одухотворенных слов. А у Леопольда текст его пьес — настоящая полноценная литература. Это надо учесть, надо уметь любить и ценить это в драматурге.

Хочу закончить свою речь пожеланием. Я не признаю здесь кого бы то ни было поучать, наставлять. Но если мне будет позволено, я бы сказал — вопрос отнюдь не в управлении искусством, а в руководстве им. И я намеря утешительное место в докладе т. Солодовникова, где говорится: будут премироваться лучшие пьесы, лучшие спектакли. Дело, конечно, не в том, что многие из нас получают премии, а в том, что при премировании безусловно скажется определенный вкус, принцип отбора лучшего в нашем театральном искусстве. Мне кажется это лучшей формой руководства искусством. (Бурные аплодисменты).

27 мая в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в выставочном павильоне Комитета по делам искусств при СНК СССР открывается выставка изобразительного искусства Киргизской ССР. НА СНИМКЕ: картина художника-самоучки Ф. В. Подканова «Стрижка овца».

К. СИМОНОВ

Из поэмы «31 год»

Мужские неуютные углы
Наверно все похожи друг на друга.
Неделю неметенные полы,
На письменном столе два черных круга
От чайника и от скорострой,
Пучок цветов, засохших без воды,
Велосипед, висающий вверх ногами,
Два пары лыж, приставленных к окну,
Весь этот мир, в длину и в ширину
Давно измеренный двумя шагами.
Как хорошо мы помним до сих пор
Нехитрые мальчишеские трюки:
Мгновению в угол замаскинный сор,
Под тюфяком разгаданные брюки,
И галстук, перед праздником за сутки
Заботливо заложенный в словарь,
И календарь стеной, на самокрутки
Оборванный вперед за весь январь,
Пиджак, зашитый грубыми стежками,
Тетрадка с юношескими стишками...
Все утлые предметы обихода,
Трехногий стол и голая стена —
Все ждало здесь, когда придет Она,
Желая и страшая ее прихода.
И сам хозяин скучными ночами
Мечтал ее в свой угол привести,
Рубиться с кем-то длинными мечами,
Бог звал, от кого ее спасти.
Он казался ей быть верным до могилы,
Он звал ее, он ждал ее сюда,
Ждал год и два. Потом почти всегда
Она в конце концов к нам приходила,
На примусе заваривала чай,
В стакан с цветами воду наливала
И говорила: бедный, дорогой,
Каково, услышав раз, другой,
Мне каждый день хотело слышать снова,
И чем оно роднее и ничтожнее,
И чем меньше букв и больше теплоты,
Тем легче к слову привыкаешь ты,
Тем от него отвыкнуть невозможной.
Дом наспех следелен был из фибролита
С паркетом, но без форток. Мастера
Ушли спокойно, зная, что сквозь плиты
И так пройдет и холод и жара.
Все стены в доме были той системы,
Когда, имея даже сверхъестественный слух,
Живя в одной из комнат, вместе с

В короткой курточке из жеребенка,
Мать ей навстречу важно чуть прихрамывала.

Морщинистую руку подала,
Пока девочка что-то шептала,
Мать на нее смотрела из угла.
— Ну да, конечно, с синими глазами,
И да же с ямочками на щеках,
И ни одной морщинки на руках,
Такая, верно, и обнять приятно,
И чтоб поцеловала, попросить,
Приятно взять и не вернуть обратно
И на руках по комнате носить.
Ну что ж, она не осуждала сына;
Так повелось: растишь, хранишь, потом
Чужая девушка махнет хвостом
И он уйдет за нею на чужбину...
Сын, правда, говорил ей, что девочка
Ему близка, как друг или сестра,
Но он мальчишка, а она старая
— Где дружить сын, там значить жди
Мужичонка.

Ей захотелось девушке сказать,
Чтоб все-таки она забывала,
Что жениха ей вырастила мать,
Что мать его в морозы укрывала.
И если мальчик стал большим мужчиной,
Который ей сейчас милее всех, —
Пусть помнит, тут и мать была причиной.

Старухе поклониться бы не грех...
Но вот и он! Остановясь у входа,
Он встретил долгий материнский взгляд.
На сны бы воинственный наряд
Того незабываемого года:
Кожанка необтянутой ширины,
Из той же кожи рыжая фуражка,
Защитная военная рубашка,
Добротные суконные штаны.
Дрожа от покрепчавшего мороза,
Они втроем пробрались на перрон.
Мать отошла. А девушка и он
Пошли пройтись вперед до паровоза.
Мать провожала их ревнивым взглядом
Того незабываемого года.

Вот сын пришел, а ты опять дом,
Он до свистка проходил с нею рядом,
И ей последней крикнул из окна.
А ты бы только накрумила вмятку,
Да мелком взгляд успела бы поймать.
Что ты ему? О, если б знала мать,
Как в это время сыну было грустно...
Они гуляли, словно все в порядке,
За двух влюбленных принимали их.
Она забыла взять с собой перчатки.
Он грел ей руки, спрятал их в своих.
Но боже мой, чего бы он ни дал,
Чтоб знать — она нарочно их забыла...
Чтоб знать, приятно ли сейчас ей было,
Чтоб из обычных деляных границ
Она бы вырвалась хоть на мгновенье.
Пустянное дрожание ресниц,
Короткий вздох, одно прикосновенье,
Но что он может знать, когда она
Все так же, не меняясь год от года,
Светла и беззащитно холодна,
Как ясная январская погода.
Оставь ее — и ты легко прощен,
Вернись опять — она и не заметит,
Ее холодным солнцем осенен,
Ее холодным солнцем осенен,
Забудешь ты, как люлям солнце светит.
Ему котелью вместо всех «прости»,
Недолго думать, взять ее в охапку,
Взять всю, как есть, с планшеткой, с
шубкой, с шапкой,

Как перышко, в вагон ее внести...
Но не дожидаясь третьего звонка,
Она, даже не протиснувшись хорошенько,
Сказал ей равнодушное «пока».
Легко вскочил на верхнюю ступеньку,
Состав пошел. Станув перчаткой с рук,
Мать вдоль платформ за сыном
зачастила.

И, воровато поглядывая вокруг,
Из-под полы его пережирала.
Последнее лицо в оконной раме,
Последний шопот: кутайся тепло, —
И кто-то сквозь замерзшее стекло
Кричит, беззвучно шевеля губами.
Мать с торжеством на девушку взглянула —

Не ей, а старой матери своей
Ему с подножки руки протянул он
И помахал фуражкой из дырчатой
Она девушка же не замечала.
Она, давняя от подступивших слез,
Смотрела в даль, туда, где все кончалось,
Где вился дым и таял стук колес.
Мать видела, как на снежок упала
Сперва слеза, потом еще слеза...
Куда и ревность разом вся пропала,
Заплаканные синие глаза
Ей показались мягче и грустнее;
Что ж, мать, порой ревнует, даже мстит,
Но если мы о сны плачем с нею —
Она нам все в конце концов простит:
— «Голубчик мой, я так одна скучаю,
Я так давно к себе вас не звала,
Голубчик мой, подыдите вытпем чаю...»
И девушка безропотно пошла.
До самой двери длинный путь ночной
Мать ей тихою на ухо шептала,
Какой он в раннем детстве был больной,
Каких лекарств она ни испытала,
Как восемь лет кругом была война,
Как трудно приходилось с докторами,
Как, если будет в него жена,
Должна жена быть благодарна маме.

ПЕВЕЦ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

ЯКОВ УХСАЙ

Судьба всех революционных деятелей чувашской литературы трагична. Первый поэт Михаил Федоров, в 1890—1893 гг. писавший широкую эпическую поэму на манер карельской «Калевалы», где на основе богатого народного творчества хотел дать развернутые картины быта, нравов и идеологии чувашского народа, при жизни не мог выпустить ни одной строки своей поэмы. Только случайно уцелел изумительно талантливый пролог, который сперва распространился по многих списках, а потом перекопался в фольклор.

В эти тяжелые времена даже в среде чувашской либеральной интеллигенции писание стихов считалось признаком слабости и часто служило темой сверкающих анекдотов для светлорубочных чиновников.

Грянул пятый год. Стремительно летало помещичьи усадьбы горды красной пелухой. Закабаленные, вечно голодные чувашские крестьяне, систематически бунтовали на широких берегах Волги и Суры, в легендах и песнях восхваляющие подвиги своих героев — Степана Разина и Емельяна Пугачева, востали; чувашская земля была в огне и крови. Но Владимирской дороге сказали из Казани карательные отряды. Почти во всех деревнях на виселицах качались восставшие крестьяне.

рушках, вызывая смех и укрепляя ненависть к угнетателям. Жестокие подавления крестьянских восстаний в чувашских деревнях сделали его пламенным поэтом-трибуном. В 1906 году двадцатипятилетний Шелеби написал стихотворение «Спор» которое было напечатано в чувашской газете «Хыпар» («Весть»).

На земле вечно льет кровь народа исподлинский змей, и нет троп, по которым не ползал бы он, и нет людей, уцелевших от его ядовитых жал. Без устали веками летает дивная птица, острыми когтями бросается на змея, кланет всевышние очи его. Сама котли дохнет, в крови купается, но победы пока нет. Птица летает, раны вычищает, и придет время золотое, когда котли ее возызает в тело змея, и глаза его будут выковырваны. — Вот краткое содержание стихотворения «Спор».

из Сибири и писавал, используя народное сказание, «Легенду об основании города Самбула». Пенура наложила свои грязные руки и выпустила книгу, выходящую из нее всю демократическую направленность и прелесть народного стиха.

Мировая империалистическая война открыла еще более трагичные страницы чувашской литературы. Тайр Тимки после тяжелой сылки умер. Первый чувашский композитор Паузухин был убит на войне. Революционная поэтесса Анастасия Васильева пропала без вести. Семен Эльгер, тяжело раненный, страдал в далеком австрийском плену. Гений чувашской поэзии Константин Иванов медленно и мучительно умирал в своей родной деревне, прожив только 24 года. Перед смертью в око-ею комнате временами печально, временами задорно, вырвались хорошевые песни из его поэмы «Нарспи», ставшие народными песнями.

Шелеби остался один. Он нес на своих плечах ответственность за чувашскую литературу, за сохранение и продолжение традиций лучших поэтов своего народа. Шелеби в эти годы пишет поэму «Васанька», где в сатирических тонах вскрывает паразитизм и вольную фигуру столыпинского «крепкого мужика»-хуторянина.

В 1917 году мечта поэта осуществилась. Шелеби с первых дней Октябрьской социалистической революции с горячим задором работает в советских учреждениях, ведет большую работу по воспитанию молодых писателей и создает ряд замечательных произведений, как-то: «Ленин»,

«Прощальная чаша», «Сказание о взятии Тамерланом города Билляр», «Ессеев». Его стихотворение «Ленин» — самое лучшее из всех произведений о Ленине, созданных чувашскими поэтами. Поэма «Сказание о взятии Тамерланом города Билляр» дает исключительно яркие картины бесстрашного патриотизма, героической защиты народом своей родной земли от дикой политики Тамерлана, которые за собой оставили пепел разоренных деревень и даже грудных детей разбавили о камни.

Шелеби сыграл большую роль в установлении крепкой дружбы между чувашскими и татарскими писателями. Он дал чувашской литературе ряд хороших переводов произведений татарских писателей, в частности Хали Такташа.

Годы больших душевных потрясений, материальной нищеты, испытанные до революции, оставили большой отпечаток на зловонии поэта. В 1931 году его постигло несчастье — Шелеби ослеп. Этот страшный удар не остановил его творческих шагов. Он создает поэмы «Красная звезда», «Колхоз» и откликается стихами на каждое крупное событие в жизни страны Советов. Чувашский народ, учитывая громадные заслуги Шелеби в развитии советской чувашской литературы, в 1936 году отметил 30-летие его литературной деятельности, как одну из важных дат своей литературной жизни. В 1939 году Николай Иванович награжден орденом.

Радостно указать на тот факт, что Шелеби, стоявший у колыбели чувашской литературы, имея сейчас 58 лет жизни и 33 года литературной деятельности, успешно продолжает свою творческую работу.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

1. КТО ВАШИ ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?
2. ЧТО ИМЕННО ВАС В НИХ ПРИВЛЕКАЕТ?

ЭТИ ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ЗАДАЛА ЧИТАТЕЛЯМ — РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ШАРИКОПОДШИПНИКОВОГО ЗАВОДА им. Л. М. КАГАНОВИЧА В МОСКВЕ. СЕГОДНЯ НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ ЧАСТЬ ПОЛУЧЕННЫХ ОТВЕТОВ НА НАШУ АНКЕТУ.

3. КТО ВАШИ ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ В СОВЕТСКИХ КИНОФИЛЬМАХ?
4. ЧТО ИМЕННО ВАС В НИХ ПРИВЛЕКАЕТ?

1. Павел Корчагин.
2. Он настоящий советский патриот. Особенно привлекает его твердость и преданность делу народа.
3. Герои кинофильма «Танкисты».
Зоя ИВАНОВА, бригадир.

1. Степан Бочурин — Гроссмана, Леонид Берестов — Явья, Семен Котко — из повести «Я, сын трудового народа» и некоторые другие образы из произведений Валентина Катаева и Василия Гроссмана.
2. В них меня особенно привлекает самобытность и твердость характера героев, верность среде, их воспитанность. Этих героев воспринимаешь как людей живых, подлинных, имеющих свои страсти и свои недостатки. Привлекает многогранность взглядов на жизнь. Человеческие чувства у них не отняты. Они умеют хорошо мечтать и хорошо осуществлять свои мечты. Они, эти мои герои, сомневаются, ошибаются, но выходят на правильный путь, не по прихоти случая, а по убеждениям. В них нет схем, по которым обыкновенно измеряют людей другие писатели.
3. Настоящего героя в кинофильмах еще не создали. Хотя я смотрю все кинофильмы без исключения, но там нет героев, которых можно было бы всем сердцем полюбить.
На днях смотрел кинокартину «Шел солдат с фронта». Хотя сценарий написан Валентином Катаевым, но кинофильм получился плохой. В нем нет того Семена, который есть в повести «Я, сын трудового народа».

А. П. ПЕРЕЛЯНИН, контролер ОТК.

1. Мои любимые герои — это Иван Гора из повести А. Толстого «Хлеб», Басов из романа Ю. Крымова «Танкер «Дербент», Кочубей из романа А. Первенцева «Кочубей» и Павел Корчагин.
2. Меня привлекает их смелость и мужество в минуты опасности, твердость и упорство в достижении намеченной цели, борьба с рутинной и косностью, беззаветная преданность родине и партии. Я люблю их за то, что эти герои — живые люди, они как бы выйдут из самой жизни. Этим моим героям я восхищаюсь, стараюсь подражать им. Они учат любить и ненавидеть, и читаю про их борьбу за дело нашей родины, борьбу, в которой они немало пролили крови, еще больше любя свою замечательную родину, жизнь, родную партию.
3. Максим, Чапаев, Шорс, образ Ленина.
4. Изумительный героизм и настоящая народная мудрость, преданность своему народу, своей родине, своей партии. Их честность и чуткая забота о товарищах, их неустрашимость и беспощадность к врагам народа. Эти герои помогают настоящему познавать жизнь, зовут к непреклонной борьбе за благо трудящихся, за партию Ленина — Сталина.

ЛИНИНЕР И. И., оператор автоматного цеха.

1. Пархоменко из повести Вс. Иванова «Пархоменко», Павел Корчагин и Андрей Птаха из произведений Николая Островского.
2. В Павле меня привлекает сильный и мужественный характер и целеустремленность. В Андрее Птахе такой же характер, несколько смягченный юмором. Вернее, мягкость, лиричность Птахи подчеркивают его характер.
Вообще люблю людей с сильной волей.
3. Максим, профессор Полежаев, Костя Капитан из фильма «Заключенные» по произведению «Аристократы» и Артем Балашов из фильма «Мы из Кронштадта».
4. Максим нравится как простой, обязательный человек, беззаветно, мужественно выполняющий громадное дело. В профессоре Полежаеве мне нравится тип ученого, понимающего революцию и пришедшего к ней.
Сильная и мужественная фигура моряка Артема Балашова привлекает меня своей обязательной простотой. Он очень естественен.

А. М. СМЕРНОВ.

1. В художественной литературе нашего времени мне больше всего нравится герой в произведении Николая Островского «Как закалялась сталь» — Павел Корчагин. Он как бы учит, как надо жить, бороться и понимать правду настоящей жизни.
2. В произведениях советской литературы меня привлекает простое и ясное объяснение трудных вопросов жизни. Особенно это хорошо сделал писатель М. Ильин в книге «Горы и люди». Я бы очень хотел, чтобы он написал книгу о том, как мы будем воевать, если придется. Надо показать сперва мирную обстановку как у нас, так и у капиталистов, как бы для сравнения, затем показать самую войну и показать приблизительно ту жизнь, которая наступит, когда капитализм во всем мире будет развален. Надо, чтобы такую книгу читали рабочие и за границей.
3. Кинофильмы — это для меня живая история, по которой можно определить, куда и в каком направлении идет жизнь. По кинофильмам можно изучить прошлую жизнь, которую я не успел захватить, и по ней судить о настоящей жизни. Вообще кинофильмы как бы говорят мне: «Будь всегда примерным и будь всегда ко всему готовым».

Н. П. ИВАНОВ, слесарь-наладчик III отделения шлифовального цеха.

1. Григорий Мелехов и Аксинья из «Тихого Дона», Василий Чапаев и Кочубей Первенцева.
2. Кочубей и Чапаев — простой, но в то же время яркой жизнью, беззаветной храбростью, народным героизмом и преданностью родине.
Григорий Мелехов — в нем мне нравится русская душа трудового человека, хотя и испорченного пороками капиталистического строя. В Мелехове мне нравится его личная храбрость, храбрость командира Аксинья — привлекает меня своей жизненной простотой. Аксинья — это не просто героиня романа, а подлинная героиня жизни.
Бригадир штамповщиков в кузнечном цехе.

1. Образы Сталина и Ворошилова в повести Алексея Толстого «Хлеб». Павел Корчагин, Андрей Птаха, Василий Чапаев.
2. Сталин — борьба за родину против врагов партии и народа. Освобождение Царина от белых банд.
Ворошилов — стойкий полководец, генеральный руководитель Красной Армии, борющийся без поражений.
Корчагин — мужество, патриотизм, энтузиазм в борьбе за родину.

Д. А. УВАРОВ, конструктор.

1. Если говорить о героях, которые являлись бы идеалом для советского гражданина, то таких героев наша советская литература, к сожалению, еще не создала. Все же укажу на таких, как Кочубей, Чапаев, Корчагин.
2. Они привлекают своей героической борьбой за наше дело, мужеством и преданностью родине.
3. Шахов из фильма «Великий гражданин», профессор Полежаев, рабочий Василий и народный полководец Чапаев.
4. Они отражают стремления и чувства советского человека. Они жизненны и правдивы.

Г. Д. БУРМЕНКО, зав. прб отд. ремонтно-механического цеха.

Р. С. Несколько слов помяну алкестных вопросов.
Все наши литературные герои как в литературе, так и в кино, выведены очень однобоко. Хочется прочитать или увидеть на экране людей нашей эпохи во всей их многогранности. Наша советская действительность воспитала тысячи героев. Они живы, они среди нас. Их не надо выдумывать, нужно только, чтобы наш советский писатель изучал, всматривался в черты советского человека, обобщал его черты в художественной форме. И тогда герои будут правдоподобны, жизненны и привлекательны.

Совершенно правильно писатель Н. Вирта затронул вопрос о так называемой «кузьмочковщине» в нашей драматургии. Вложить в уста персонажа пьесы патристические слова еще не значит, что это и есть тот образ, который создала наша жизнь.

Г. Б.

1. Павел Корчагин.
2. Сила духа.
3. Герой картины «Дворец и крепость» по роману О. Форш «Одежды камень».
4. Сильная картина.

ЛИТВИНЦЕВА О. М., экономист.

МОИ ГЕРОИ

Мои любимые герои в произведениях советской художественной литературы — это Чапаев (Фурманова), Павел Корчагин («Как закалялась сталь»), Левинсон («Разгром» А. Фадеева), Глеб Чумалов («Цемент»), Григорий Мелехов («Тихий Дон») и др.

Кроме этих книг я перечитал много других произведений советских писателей, и все же герои во многих случаях не оставляли у меня никакого впечатления. Что меня привлекало в «Чапаеве» Фурманова? Это прежде всего качества, которыми должен обладать каждый советский гражданин в наше время: беззаветная любовь к родине, к народу, мужество и в то же самое время необыкновенная простота, правдивость и даже наивность (например, ссора с Фурмановым и разговор об Александре Македонском).

Павел Корчагин мне дорог, как образ комсомольца-большевика, героя революции. Может, Н. Островский — если бы прошел соответствующие «университеты» — избрал бы некоторых героев этой стили и языка книги. Но мы — его читатели — забываем подчас эти недостатки, охотно прощаем их. Почему? Потому что в каждой строчке звучит страстная, великая, героическая жизнь самого Островского: до конца своих дней он побеждал смерть своей кипучей, неутомимой страстью к жизни, любовью к родине, к делу революции.

Мн. современники Павла Корчагина, будут учиться у этого героя, как нужно побеждать.
В Левинсона меня пленил ум в соединении с твердой волей к победе над врагами. Это был первый образ героя, где не было криков «ура», брашана оружием и другой бутафории, обязательной в повестях героя у других писателей. Левинсон — чутко к людям своего отряда, с каждым он умеет говорить, каждого знает, его героям без ложного пафоса, без ложной драматичности. Вот за что я люблю Левинсона. П. яковец, о Глебе Чумалове («Цемент»), Я умышленно взял этот срав-

1. Андрей Птаха, герой повести «Рожь бурей».
2. Мне нравится, как он самоотверженно боролся против польских панов.
3. Николай Шорс.

Николай КАРПИЧ, учащийся.

1. Слово герой можно понимать разное. Есть понятие, в силу которого герой произведения превращается в идеал жизни, и есть другое, в силу которого герой произведения ценится лишь за ту глубину, правдивость, красочность, максимальное приближение к жизни, как его изобразил писатель. Героев по первому понятию у меня нет; по признаку второму мне больше всего нравятся герои романа В. Кетлинский «Мужество» С. Голыцын, Васяева, Алтышулер, Старова, Епифанов, Платт, Крутов (до возвращения из отлучки), Морозов. Хорош также Моргунков из «Страны Муравин» Твардовского. О героях других произведений не говорю, потому что о многих из них не имею определенного мнения в силу их непопулярности и незаконченности.

СЛЕСАРЬ.

1. Андрей Крутов, герой книги «Мужество» Веры Кетлинской.
2. Героизм и умение работать с людьми.
3. Шорс, Чапаев, образы Ленина, Сталина, Ворошилова.
4. Находчивость, мужество и умение хорошо организовать народ.

В. ЖУРОВ, диспетчер цеха.

1. Егор Булычев Максима Горького и Павел Корчагин.
2. Егор Булычев — за его твердость во взглядах, собственную точку зрения, хорошее понимание людей, откровенное отношение к ним.
Корчагин — с детства решительный, настойчивый, настоящий патриот, со своеобразной точкой зрения, но прусидущей всякому советскому гражданину.

3. Чапаев, Арсен, Амангельды, профессор Мамлок и Василий.
4. Чапаев — за его чисто товарищеский подход к рабочим, за его честную политику по отношению к крестьянам, за преданность и бесстрашие. То же можно сказать и об остальных, указанных мною героях. В картине «Ленин в 1918 году» мне нравится Василий за большевистскую любовь к вождю и родине, а также к семье.

М. М., ленальщик инструментального цеха.

1. Штокман, Шершавин и Варвара Хлебникова из повести П. Павленко «На Востоке».
2. Любовь к родине, энергия, деловитость, упорство в достижении намеченной цели. Отсутствие узко личных интересов.
Варвара Хлебникова прототип советской женщины, младшее поколение которых дало таких героев, как незабвенная Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова.

3. Профессор Полежаев — тип интеллигентно-ученого, который в те первые годы сумел стать выше окружающей его среды, понять грандиозность исторических событий и перейти на сторону рабочего класса.

Н. Г. БЕЛУСОВА, экономистка.

1. Как всегда, когда что-то нужно припомнить и записать, все имена и заглавия вылетают из головы. Может быть, оттого, что вся масса книг — романы, рассказы, очерки, стихотворения — делают героев очень схожими в основных чертах. Имена, внешность, обстоятельства, места и времена разные, а человек в своей сути — один. Это «обыкновенный герой», т. е. не герой старой романтики, а самый простой человек, который, несмотря на свою обыкновенность, вырастает в человека с большой буквы, в героя (в понимании нашего времени), благодаря тем чувствам и желаниям, которые им движут и возмужают лишь у нас и в наше время.
3. Я за последнее время видела всего два-три фильма, и герой одного из них произвел на меня огромное впечатление. Это — Максим Горький. Богатая жизнь была у этого человека, и не потому, что с самых юных лет попал он в самую ее гущу, а оттого, что имел он большой и редкий дар не проходить мимо. Имел Горький большую человеческую душу и не боялся борьбы. А самое большое впечатление я получила от фильма «Ленин в 1918 году». Мне кажется, что никогда еще не скланивалось во мне столько любви, уважения и большой печали, как тогда, когда я смотрела на нашего дорогого, дорогого Ленина, а почему этой мой самый любимый герой, об этом не надо писать, это в человеке должно жить, и вы это поймете сами.

Виктория МОЛДОВАНОВА, нормировщица шлифовального цеха.

1. Семен Котко из книги В. Катаева «Я, сын трудового народа». Павел Корчагин, Давыдов и Петр I.

2. Павел — один из представителей нашей прекрасной молодежи, отличившийся в гражданской войне. Его упорство, выносливость, преданность товарищам не могут не поражать. Он является ярким примером для молодежи, как нужно любить и бороться за свое счастье, как нужно уметь ненавидеть врагов.

Семен Котко — это боец за свободу рабочего класса, человек, который вырос в гражданской войне. Его любовь к своему народу, к своей родине ярко выражена в нескольких скромных словах, когда он произносит присягу: «Я, сын трудового народа».

Петр I — великий русский реформатор. Его тяга к знаниям, к культуре, его борьба за славу русского народа вызывают симпатии к нему.

С. Н.

1. Откровенно говоря, есть любимые герои и нет их. Когда читаешь какое-либо произведение советской литературы, ты сочувствуешь герою. Кончил читать, и герой испарился. Не оставил у тебя следа. Я думаю, что это происходит оттого, что сами авторы, когда работают над своими произведениями, не любят своего героя, вымышленного им. И потому он у читателя не оставляет следа. А героев у нас много, и показать их в художественных произведениях надо так, чтобы они действительно волновали и не улетучивались из памяти. Неизгладимое впечатление произвела на меня «Заникши стурман», написанная Героем Советского Союза Мариной Расковой, книги Николая Островского и Ивана Паланкина. Почему же так правдиво не могут нарисовать образ героев в своих произведениях наши писатели?

3. Максим? Чапаев, Шорс, Василий.
4. Прекрасный тип Василия, человека, преданного всей душой партии и народу. Он так хорошо и естественно показан. Таким, каким должен быть человек. Этот тип у меня не скоро забудется. Быть может останется навсегда в жизни. Жаль, что в тех книгах, которые я прочитала, ни один герой не пленил меня так, как Василий.

Е. МЕЛЬНИКОВА

Вместо ответов хочу вот что написать: Меня интересуют исторические темы, героя русского народа. Я ждал бы от души, чтобы советские писатели продолжали разрабатывать темы прошлого России, но не мелкими темами. С интересом ждем третью книгу «Петра I» Алексея Толстого.

Знаю, например, настоящее Украины, хорошо знаю ее прошлое, эпоху Богдана Хмельницкого, борьбу украинского народа с иноземными захватчиками. Мне особенно нравится герой произведений Шолохова и Серафимовича.

Двадцать лет работает советское искусство — двадцать лет мы в поисках героя фильма или пьесы, героя такого, которого любил бы весь народ.
Я не останавливаюсь на любимых героях из таких кинофильмов, как «Ленин в 1918 году», «Ленин в Октябре», и выдающихся героев, как Шорс и Чапаев. Я хочу сказать о рядовом герое, которого любил бы вся наша страна, от Москвы до далекой Арктики. В кино, мне кажется, этот герой найден, и его надо постепенно развивать, вводя новые действующие лица, которые бы сменили его и стали такими популярными, как мой любимый герой Максим.

Надо такого же героя создать в литературе.

А. ДАНИЛОВ, мастер энергоцеха.

1. Собрательного героя нет. Насущная задача советской литературы — создать героя типа Максима.

3. Большевики Максим, Василий.
4. Живой, полнокровный образ, героический и до того общепонятный, что воспринимаешь Максима и Василия как действительно живущих рядом с тобой, близких, настоящих.

Р. Б.

20 мая на заседании президиума союза советских писателей были приняты в союз товарищи (сверху, слева направо): Зелигман, Тайц, Фейнберг, Назлобин, Саконская, Каурчич, Старцев, Мунхит, Панов, Липкин, Касаткина и Тарасов.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Заседание президиума союза советских писателей СССР, состоявшееся 20 мая, было посвящено приему новых членов в союз. Писательская организация пополнилась новыми прозаиками, критиками, драматургами, поэтами, детскими писателями и переводчиками.

Первой обсуждалась кандидатура писателя Я. Тайца — автора многочисленных рассказов для детей среднего и старшего возраста. Тайц пишет с 1930 года, и за это время издал 12 книг. Тайца выпустил несколько книг. Особенно удачны его рассказы «Спор во дворе», «Ложки», «Колыбельки», хорошо известные детским читателям.

Тринадцатилет лет работает в области детской литературы Н. Саконская. Она из ранних ее вещей — «Книжка эта про четыре пята» — завоевала ей прочное место среди детских писателей. И. Саконская, по выражению А. Касаткина, рекомендованного ее по поручению детской секции ЦСР в члены союза, особенно известна как «спонсирующая» поэтесса. Многие советские композиторы: С. Прокофьев, М. Раухвергер, Л. Подольный и другие написали музыку на слова ее песен. Саконская детвора расцветает ее песни о море, «Все в порядке» и другие. И когда по просьбе президиума Н. Саконская стала читать свою «Песенку о метре», вопль каждого куплета хором заканчивал зал.

Единогласным решением президиума Я. Тайц принят в члены, а П. Саконская переведена из кандидатов — в члены ЦСР.

Президиум перевел из кандидатов в члены ЦСР воронежских писателей Л. Сергеев и Н. Залозский. Автора многих рассказов М. Сергеев рекомендуют президиум писателей А. Караваев, А. Карцев и М. Эгарт. По общему признанию, лучший из его рассказов — «Дорогой Шорс», вошедший в одноименный сборник его произведений. Сейчас писатель работает над романом о Шорсе, Н. Залозский много лет работает в области драматургии. По словам М. Левинсона, рекомендованного его в союз, пьесы Н. Залозского всегда пользовались успехом, но зачастую они были недостаточно глубокими. Этот недостаток драматург преодолел в своей новой исторической пьесе «Кондрат Булавин», в которой образ атамана, возмужавшего восточных казаков и крестьян на Дону, получился убедительным. А. Карцев, дополнивший характеристику, данную М. Левинсоном, подчеркнул, что пьеса «Кондрат Булавин», которую автор писал два года, и пьеса о Магелане, над которой он работает уже полтора года, свидетельствуют о том, что Н. Залозский ставит перед собой сложные творческие задачи и серьезно подходит к их разрешению.

Положительную оценку литературоведческим трудом И. Фейнберга дал на заседании президиума профессор М. А. Пилотский. Он считает его исследование о «Палитнике», о «Медном всаднике», об оде «Волны», о шестой главе «Евгения Онегина», а также недавно законченный им биографический диалог о Пушкине работами, заслуживающими серьезного внимания. Интересно и исследование И. Фейнберга, впервые подвергнутое анализу малоизвестное прозаическое произведение Пушкина «Жон Теннер». За принятие И. Фейнберга в члены союза писателей высказываются и М. Левинсон. Президиум принял И. Фейнберга в члены ЦСР.

Критик Г. Мунхит выступает около 12 лет в печати со своими статьями, посвященными главным образом молодой советской литературе. Только за последние два года им написано ряд статей о В. Курочкине, об А. Писемском, В. Гроссмане, В. Лосеве, Ю. Германа, Ю. Крымова, Г. Алексина. За прием его в члены ЦСР высказываются М. Юфт и М. Левинсон, который считает его статьи ценными.

Президиум перевел Г. Мунхита из кандидатов — в члены ЦСР.

Литературоведческой и переводческой работе А. Старцева высокую оценку дают Е. Гальперина и И. Анисимов. Они указывают, что А. Старцев, как автор монографического исследования о Дюбюфе, ста-

тей об Уэллсе, о Марке Тване и Брет Гарте, занимает одно из первых мест среди специалистов по англо-американской литературе. Президиум решил перевести А. Старцева из кандидатов в члены ЦСР.

Н. Касаткина, занимающаяся преимущественно немецкой антифашистской литературой, является автором высококачественных переводов произведений Генриха Манна «Голова», «Генрих IV», «В стране чудес», Леопа Фейхтвангера «Еврей Энос» и др. В. Грифонов и И. Анисимов характеризуют ее, как выдающуюся переводчицу, не только прекрасно владеющую иностранными и русским языками, но и художественной формой изложения. Из кандидатов Н. Касаткину президиум перевел в члены союза.

Поэтам-переводчикам В. Зелигшера и С. Липкина советские читатели обязаны своим знакомством с классической и современной литературой народов братских республик. В. Зелигшера дала хорошие переводы из Шевченко, из грузинских поэтов, из поэтов Кабадино-Балкарских. Ее собственные стихи, напечатанные за последние годы в журналах «Красная новь» и «Новый мир», по утверждению П. Саконской, рекомендованного ее в союз, значительно выше стихов, написанных в 1924—1926 гг.

С. Липкин, которого рекомендует в союз В. Гольцев, дал высококачественные переводы из Сулеймана Стальского, из Шевченко, из еврейских поэтов. Но особенно ценны его огромная работа над переводом казачьего богатырского эпоса «Джангар», состоящая из 13 тысяч строк, и перевод киргизского эпоса «Манас», над которым он работает вместе с поэтами-переводчиками Л. Нельковским и М. Тарловским. В. Зелигшера и С. Липкин переводятся из кандидатов в члены ЦСР.

Творчеству поэта Н. Незлобина хорошую характеристику дают А. Митрофанов и Ф. Левин, которые считают его очень одаренным писателем, обладающим глубоким чувством русской поэзии. Его произведения, особенно поэмы о Кирове и «Время клад», написанные превосходным русским языком. Стихотворение «Пушкин в деревне», напечатанное в журнале «Новый мир», и отрывок из поэмы «Время клад», прочитанные автором на президиуме, вызвали дружные аплодисменты. Н. Незлобин переведен из кандидатов в члены союза.

Президиум ЦСР перевел также из кандидатов в члены союза Виктора Панова, А. Тарасова и Н. Каурчича.

На этом же заседании президиум ознакомился с обстоятельными восточными «Литгазета» писателя В. А. Федина о писателе Лебедеве и открытого письма А. С. Макаренко критику Ф. Левин, — пьесы, о которых говорилось на совещании по вопросам критики (см. «Литгазета» № 23 и 25).

Президиум признал совершенно правильными факты, изложенные на совещании тт. Федина и Караваев по поводу ненапечатания этих писем в «Литературной газете».

В этой связи президиум осудил пренебрежение редакции к речи т. Федина, пытавшегося опровергнуть эти факты.

Президиум осудил также то место отчета о критическом совещании, где редакция дала неправильное освещение фактам о ненапечатании писем Макаренко, изложенным т. Караваевой.

Президиум признал неправильным и несправедливым утверждение т. Войтинской, будто эти факты, подтвержденные в результате их разбирательства на президиуме, приводились на совещании т. Караваевой и другими товарищами «со скупливой целью».

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Правление ЛенЦСР приняло в члены союза советских писателей акад. Е. Тарте и авторов фильма «Чапаев» — бр. Г. и С. Васильевых. Кроме того, переведены из кандидатов в члены союза Г. Делов, В. Кетлинский, В. Тобольков, Л. Раппин, Е. Соболевский, М. Левитин, Е. Павлов, Я. Ягунов, Л. Карасев, Ю. Свиридов, Г. Матвеев, А. Чернов и Г. Лукоский.

ПЕВЦЫ НАРОДА

В. ГОЛКО

Зам. председателя СНК Киргизской ССР

Стихи, исполненные гнева и великого достоинства...

Пять злодеев-крошечки, Пять манашов, пять убийц, Котти острей свои...

По великий акын ошибся. Он вечно живет в памяти киргизского народа...

Акыны Киргизии — живые носители народной истории. Из поколения в поколение...

У каждого акына свой репертуар, свой характер исполнения. Орденосеен и депутат Верховного Совета Киргизии...

На эти же темы слагает свои чудесные лирические песни и акын Калык Акиев.

Народный акын Алымкул обращается к отцу народов Советского Союза товарищу Сталину:

Плача, мы бродили в темноте, Бад нас томил в нищете, Но великий Сталин родился, Чтоб помочь трудящимся в беде...

Акыны всегда пользовались сердечной любовью киргизского народа...

Акын Акиев рассказывает: «Когда я впервые после многих лет труда зарабо-

тал деньги на чистый чапан, мне повстречался кожкорский манаш и закричал: «Ты певец-собака, а одеда, как манашский сын!»...

Много песен о горе и бедности было сложено киргизскими акынами. Голотный, обрабанный манашами, Калык Акиев пеет: Рваный чапан налеет...

Сейчас наши акыны поют о счастливой, о радостной трудовой жизни киргизского народа. В «Письме братьям», которое посылает акын Калык Акиев герцогским бойцам Республиканской Испании...

Киргизские акыны — старые и молодые — представители Киргизской советской социалистической республики...

Акыны — импровизаторы. Записи их песен начались сравнительно недавно. Сейчас благодаря усилиям киргизского союза советских писателей ведется планомерное собрание песен акынов...

Много сделано русскими поэтами Пеньковским, Винниковым, Тарловским, Липкиным для ознакомления русских читателей с киргизским эпосом и современной поэзией.

На территории Киргизии нет анкла и кыштак, нет поселка и колхоза, где бы не распеваались песни о сказочных походах славного батыра Манаса...

Старики и молодежь с одинаковым интересом слушают знаменитых сказителей «Манаса» и не только слушают — изучают, запоминают и сами поют.

Велики культурно-исторические и литературно-художественные достоинства эпических сказаний о Манасе, его сыне Семете и вундце его Сейтеке.

Уже первые собрания «Манаса», известные туркологам Вейданову и академик Радлову, дали высокую оценку киргизскому эпосу, ставя его рядом с «Илиадой» и «Одиссеей»...

Большие и малые войны и походы, постоянное кочевье целых племен, готовых воевать в борьбе с внешним врагом, яркое и характерное описание быта, различных празднеств и торжеств — вот что составляет содержание эпоса «Манас».

Это колоссальное произведение при своем рождении представляло одну или несколько героических песен, сложенных безвестными народными певцами...

Полными творцами «Манаса» были талантливые народные поэты — «джомочки», которые под влиянием слушателей вносили в свой вариант поэмы что-то новое, особенно. Разросшиеся размеры эпоса выдвинули ряд выдающихся его сказителей.

В своем предисловии к изданному им отрывкам из киргизского эпоса Радлов писал: «...главная цель моя состояла в собирании необходимого материала для изучения кара-киргизского наречия».

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

«Киргиз пенит в своих песнях не какой-то чудесный и страшный, сказочный мир, напротив того, он воспевает в них свою собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления, те идеалы, которые живут в каждом отдельном члене общества».

Несмотря на чудесные и отчасти невероятные приключения, богатые в этих песнях являются настоящими людьми, одаренными великими качествами и в то же время с людскими слабостями и недостатками.

В. ПАХОМОВ

лей — «манашчи». Обычно такими сказителями становились наиболее одаренные народные поэты-импровизаторы — акыны. Крупный манаш подбирал себе учеников из числа способных молодых акынов...

Другие же акыны ограничивались заучиванием наиболее ярких отрывков из «Манаса» и становились горючими пропагандистами эпоса, распевавшие отдельные песни из него на праздничном тоге...

Прозданные размеры поэмы породили легенду о том, что сказителем «Манаса» мог стать только тот человек, в которого неведомые силы вселяли поэтическое дарование.

Первый более или менее полный вариант «Манаса», насчитывающий 260 тысяч строк, был записан со слов крупнейшего и талантливейшего поэта-манаша Сагымбая Орозбекова, ученика Найманова, сына знаменитого Балыка. Более трех лет — с 1923 г. по 1926 г. — терпеливо записывал Ибрагим Абрахамов с его слов поэму Сагымбая и Ибрагимю немало пришлось пережить от буржуазных националистов...

Вскоре после смерти Сагымбая началась запись другого варианта поэмы со слов Сайяба Караалаева. Этот талантливый сказитель боролся в рядах Красной Армии за счастье своего народа.

Таким образом, собрание «Манаса» и изучение его началось в широких размерах лишь после установления советской власти в Киргизии.

В своем предисловии к изданному им отрывкам из киргизского эпоса Радлов писал: «...главная цель моя состояла в собирании необходимого материала для изучения кара-киргизского наречия».

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

«Киргиз пенит в своих песнях не какой-то чудесный и страшный, сказочный мир, напротив того, он воспевает в них свою собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления, те идеалы, которые живут в каждом отдельном члене общества».

Несмотря на чудесные и отчасти невероятные приключения, богатые в этих песнях являются настоящими людьми, одаренными великими качествами и в то же время с людскими слабостями и недостатками.

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

«Манас» — талантливый киргизский эпос и автор популярных в Киргизии новых песен, одареннейший от природы музыкант, глубокий знаток народного творчества...

служит только украшением лабрисков жизни, отвлекает своим режким освещением слушателя от суровой действительности и делает его способным в восприятии поэтических описаний.

Сам Ер-Манас и его противник, силач и страшный обжора Джолой, храбрый и хвастливый Алманбет, другие сподвижники и противники Манаса — все они обладают качествами живых людей.

В «Манасе» рассыпано огромное множество поговорок и пословиц, метких определений и метафор.

Исполнение эпоса сказителями имеет также свою историю и традиции. «Манас» не рассказывает, а поет, он имеет свои особые мелодии, которые помогают восприятию эпического сказания.

Манашчи Сайяба Караалаев производит незабываемое впечатление даже на людей, не знающих киргизского языка. Он обладает выразительнейшей мимикой и жестиками.

В заключительном концерте декады киргизского искусства перед слушателями столицы будет продемонстрировано мастерство одного из крупнейших сказителей — манашчи.

Описание народных игр, танцев, различных состязаний, обрядов, празднеств, столкновений и борьбы славных богатырей в «Манасе» дают возможность построить массовые театральные сцены огромной выразительности.

Великое создание киргизского народа, героический эпос «Манас» еще ждет своего исследователя, историка, литературоведа и искусствоведа.

Поэты Д. Пеньковский, М. Тарловский и С. Липкин уже перевели на русский язык один том «Манаса», содержащий эпизод «Великий поход» («Чон-Казат»). Герои киргизского эпоса становятся любимыми героями и других братских народов СССР.

Тем более, что опыт этот вполне оправдал себя. В «Аджал ордуна» наиболее последовательно и полно были осуществлены принципы коллективной работы Маддыбаева, Фере и Власова, и, повторяем, музыка к этой вещи представляется нам наиболее глубокой, сильной и выразительной, пожалуй, из всех трех привезенных спектаклей.

Почти что все мелодии и песни «Аджал ордуна» созданы и собраны Маддыбаевым, Фере и Власов в обработке этих мелодий, в трактовке всего произведения стремился к созданию монументальной исторической народной драмы.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину. Картиной трогательной встречи вернувшихся на родину земля киргизов у священного озера Иссык-Куль заканчивается спектакль «Аджал ордуна».

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

МОЛОДОЕ ИСКУССТВО

Академик Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Киргизский народ на протяжении всей своей истории не знал изобразительного искусства в точном понимании этого слова.

Говоря о киргизской живописи, мы не должны забывать, что в течение многих столетий киргизскому народу, исповедывавшему ислам, запрещено было изображать людей и животных.

Два года назад во Фрунзе была организована художественная школа под руководством живописца Простева. Среди учеников этой школы имеются безусловно одаренные юноши и девушки, этюды которых и законченные композиции на сюжеты из «Манаса» будут экспонированы на московской выставке.

Молодой киргизский художник Айтиев учится в одном из московских художественных техникумов и только готовится стать профессиональным художником.

Манашчи Сайяба Караалаев производит незабываемое впечатление даже на людей, не знающих киргизского языка. Он обладает выразительнейшей мимикой и жестиками.

В заключение хочется отметить, что киргизское искусство перед слушателями столицы будет продемонстрировано мастерство одного из крупнейших сказителей — манашчи.

Описание народных игр, танцев, различных состязаний, обрядов, празднеств, столкновений и борьбы славных богатырей в «Манасе» дают возможность построить массовые театральные сцены огромной выразительности.

Великое создание киргизского народа, героический эпос «Манас» еще ждет своего исследователя, историка, литературоведа и искусствоведа.

Поэты Д. Пеньковский, М. Тарловский и С. Липкин уже перевели на русский язык один том «Манаса», содержащий эпизод «Великий поход» («Чон-Казат»). Герои киргизского эпоса становятся любимыми героями и других братских народов СССР.

Тем более, что опыт этот вполне оправдал себя. В «Аджал ордуна» наиболее последовательно и полно были осуществлены принципы коллективной работы Маддыбаева, Фере и Власова, и, повторяем, музыка к этой вещи представляется нам наиболее глубокой, сильной и выразительной, пожалуй, из всех трех привезенных спектаклей.

Почти что все мелодии и песни «Аджал ордуна» созданы и собраны Маддыбаевым, Фере и Власов в обработке этих мелодий, в трактовке всего произведения стремился к созданию монументальной исторической народной драмы.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

После страшных мучаств и страданий бедняки-киргизы, переживавшие в Китае, узнав о пропавшей в России революции, начали возвращаться на родину.

«Аджал ордуна». Сцена из первого акта.

М. МИХАЙЛОВ

«Аджал ордуна»

Память киргизского народа хранит воспоминание о страшном 1916 году. В этом году царское правительство издало приказ «О реквизиции туземцев Туркестанского края».

Приказ вызвал невероятное возмущение, которое вскоре вылилось в стихийное народное восстание против царского произвола.

Приказ вызвал невероятное возмущение, которое вскоре вылилось в стихийное народное восстание против царского произвола.

Приказ вызвал невероятное возмущение, которое вскоре вылилось в стихийное народное восстание против царского произвола.

материалом и для либретто спектакля, который привез ныне Киргизский музыкальный театр в Москву.

«Аджал ордуна» в той редакции, в какой пьеса идет сейчас, использует материалы подлинной истории, но это отнюдь не историческая хроника.

Спектакль «Аджал ордуна» в Киргизском музыкальном театре — это полуопера, полуопера. Он занимает промежуточное положение между «Алтын кыз» — драматическим спектаклем с многочисленными вставными музыкальными номерами, и «Айчурек», являющийся уже целиком оперой.

Спектакль «Аджал ордуна» в Киргизском музыкальном театре — это полуопера, полуопера. Он занимает промежуточное положение между «Алтын кыз» — драматическим спектаклем с многочисленными вставными музыкальными номерами, и «Айчурек», являющийся уже целиком оперой.

яется именно спектакль «Аджал ордуна».

В развитии национальных искусств наших республик — у узбеков, у казахов, у киргизов — можно найти много общего.

Самый выбор тем и сюжетов для постановок в таком театре также ныне заранее может быть предугадан: обычно один спектакль отдается современному сюжету, современной теме — из жизни обновленной страны, другой — посвящается историческому революционному прошлому и третий — строится на теме народного эпоса, сказаний, сказок и т. д.

Киргизский театр повторил у себя эту же схему: его первая постановка «Алтын кыз» — спектакль о советской девушке-киргизке, о колхозной жизни, о борьбе с басмачеством.

Киргизский театр повторил у себя эту же схему: его первая постановка «Алтын кыз» — спектакль о советской девушке-киргизке, о колхозной жизни, о борьбе с басмачеством.

которая, однако, не привлекала до сих пор достаточного внимания писавших об этом театре. Мы имеем в виду необычайное и оригинальнейшее содружество трех музыкантов, перу которых принадлежит «Аджал ордуна».

«Аджал ордуна» — спектакль об историческом прошлом, «Айчурек» построен на мотивах народного киргизского эпоса «Манас» (мотивы эти взяты из второй части «Манаса», повествовающей о сыне Манаса — Семете и его нареченной — «дунной красавице»).

«Аджал ордуна» — спектакль об историческом прошлом, «Айчурек» построен на мотивах народного киргизского эпоса «Манас» (мотивы эти взяты из второй части «Манаса», повествовающей о сыне Манаса — Семете и его нареченной — «дунной красавице»).

«Аджал ордуна» — спектакль об историческом прошлом, «Айчурек» построен на мотивах народного киргизского эпоса «Манас» (мотивы эти взяты из второй части «Манаса», повествовающей о сыне Манаса — Семете и его нареченной — «дунной красавице»).

«Аджал ордуна» — спектакль об историческом прошлом, «Айчурек» построен на мотивах народного киргизского эпоса «Манас» (мотивы эти взяты из второй части «Манаса», повествовающей о сыне Манаса — Семете и его нареченной — «дунной красавице»).

ВЫСТАВКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КИРГИЗСКОЙ ССР

27 мая в специальном выставочном павильоне Центрального парка культуры и отдыха им. Горького открывается выставка изобразительного искусства Киргизской ССР.

Первые два зала выставки отведены народному творчеству. Здесь представлены вышивки (настенные панно, портреты), выключные изделия (кошмы, сумки), изделия из кожи и металла (обруч, седла, кушаны), тканые изделия и «чи» (дываны с узором из цветной шерсти).

На вышивке привлекает внимание портрет И. В. Сталина работы старой колхозницы Суры Асырбековой. Портрет вышит цветными шелками на полотне.

В третьем и четвертом залах выставки зритель ознакомится с современной живописью Киргизской ССР. Художники Киргизии: Г. Айтиев, С. Акылбеков, С. Чуйков, Н. Розанов, А. Простев, Н. Гальченко, В. Груздев и др. представили свыше 200 своих работ.

Выставка будет открыта до 15 июня.

Литературная газета № 29

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ АЛЬМАНАХ

Начало издания русских литературных альманахов положено Н. М. Карамзиным. В октябре 1795 г. в письме к И. И. Дмитриеву он писал: «Дней пять занимаюсь я новым планом: выпустить к новому году русский „Almanach des Muses“ в маленький формат, на голландской бумаге и проч. Надеюсь на твою музу: она может произвести к тому времени довольно хорошего, Михайло Матвеевич (Хераков), Нелединский и проч. что-нибудь напишут, а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавриилу Романовичу (Державину), Львову, Козодавлеву и прочим. Они бы также дали нам несколько песен. Начнем — а другие со временем возьмут на себя продолжение. Открою сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике. Относим прочь всех уроков, но призовем тех, которые имеют какой-нибудь талант! Если мало наберем хорошего, поместим карандашное, но полого, нечеткого, карикатурного нам не надобно. Таким образом всякий год могли бы мы издавать маленькую книжку — и дадим нашим не стыдно бы было попеть ее в карнале».

В августе 1796 г. первая книга «Аонида» вышла в свет. В предисловии к ней Карамзин писал: «Почти на всех европейских языках ежегодно издается собрание новых мелких стихотворений под именем Календаря Муз... мне хотелось выдать и на русском нечто подобное для любителей поэзии: вот первый опыт под названием „Аониды“. (К этому слову Карамзин сделал нужным сделать в списке пояснение: «Другое имя муз»). Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь поэзию почти всех наших известных стихотворцев; под их именованием на сцену и некоторые молодые авторы, которых зрелищный талант достоин

«Поскольку, думаю, я помру, и тут кто-нибудь шарит, значит, а мне это неприятно. И пусть это золото у меня в брюхе лежит, чем кто-нибудь им воспользуется...»

«Фельдшер, или как там его, лекпом, удивился, что я ему так сказал, и говорит: — Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже, говорит, наводит на все самокритику».

«На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году на карточку снимали, монтера этого никак ни куда-то сбрось — мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора. Монтер Иван Кузьмин Мясневич ничего не сказал, но ватаил некоторую грубость».

Где же знаменитая река Каяла? К раскрытию одного из темных мест «Слова о полку Игореве»

На одном из совещаний при Государственном Литературном музее по вопросу о трассе героического похода князя Игоря 1185 года проф. В. А. Афанасьев выдвинул новый вариант похода. Разобрав первоначальные предположения Карамзина о том, что битва была где-то в районе р. Сады и р. Качальница за Дном и современный вариант проф. Кудряшева (Ленинград) о районе р. Кальмыц, впадающей в Азовское море, проф. Афанасьев следующим образом восстанавливает трассу Игоря. Молодые северские князья, собрав свои небольшие силы на правом берегу р. Сев. Донца за Иаэским курганом примерно 3 мая 1186 г. двинулись в Половецкую землю. Конечной целью похода было путешествие к Нижнему Дону и добраться до Тмуторакани, старого русского княжества на Лукоморьи, захваченного половцами. Первая встреча с врагом «среди Половецкой земли» 10 мая 1186 г. закончилась блестящей победой. Проф. Афанасьев локализирует эту битву в районе нынешнего с. Ровельки — Провальские Вежи. Опыленные успехом князь бросился за убегающими половцами «сеговыми дорогами», подвигавшись на провозимую сыпучую стратегия. Здесь было начало драмы. 10—11 мая отряд Игоря (численностью 4—5 тысяч человек) мчался по жару прямо степью за половецями, кручей водораздела между р. Ляхы и р. Кудряшка. Буквально «на плачах» у половецкие русские смель-

«ФАРХАД И ШИРИН» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сотрудники Института востоковедения Академии наук СССР Э. Аксаков закончили полный подстрочный перевод на русский язык известной поэмы великого узбекского классика Алишера Навои «Фархад и Ширин». Подстрочник отредактиро-

НОВЫЙ ПРЕЗИДИУМ ССП АРМЕНИИ

На днях состоялось расширенное заседание правления ССП Армении с участием литературной общественности города Брестана. Правление обсудило работу секретариата. Почти все выступавшие подвергли ее оживленной критике. Решено вместо секретариата образовать новый президиум, где и сосредоточить руководство армянской литературы. Президиум был избран в следующем составе: Мовеса Арази, Гургена Борьяна, Грачич Григоряна, Деренка Демирчяна, Степана Зоряна, Гегам Сарьяна, Христофора Таташяна.

«В ПОИСКАХ ГЕРОЯ»

В издательстве «Советский писатель» выходит в свет второе издание книги критика А. Гуревича «В поисках героя». По сравнению с первым изданием, вышедшим в 1938 г. в издательстве «Искусство», книга значительно дополнена и переработана. Кроме литературно-критических статей первого издания — «Слава», «Далекое», «Андрей Платонов», «Олеся», «Писатель и действительность» (об И. Эренбурге) и двух статей о Погодине — в новое издание вошел статья «Распад формы», критические статьи: о «Высоком давлении» Леонида Соловьева и «Мы — русский леопард» Вишневецкого.

ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

КИБЕВ. Правление Союза советских писателей Украины создало юбилейный комитет для празднования тысячелетия армянского народного эпоса «Давид Сасунский». Составляющим первым заседанием комитета Узбекстанским юбилейным комитетом Навои подстрочник одобрен. Стихотворный перевод поручен поэту Л. Пенковскому.

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

Первая книга «Московского альманаха» собрана и сдается в печать. Закончен интересный опыт коллективной работы писателей-редакторов. Книгу эту писали разные люди. Наряду с признанными мастерами советской литературы на страницах «Московского альманаха» печатают свои произведения молодые писатели. Равноправие жанров, направлений, имен, декларированное редколлегий альманаха, утверждается содержанием первой же его книги.

ЧЕТВЕРТЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В четвертом номере журнала «Молодая гвардия», который на днях выходит из печати, читатель найдет много интересного материала. В отделе поэзии печатается цикл стихов английского поэта Бернса, переведенный Маршаком, и цикл стихов П. Антокольского. Драматургия представлена новой пьесой М. Светлова «Сжаака».

КАК ДРОВА РУБИЛ, ДО КРАСКИ В ЛИЦЕ

Здесь же печатаются новые стихи Анны Ахматовой, цикла новых стихов М. Матушковой, стихи А. Коваленкова, Б. Лебедева, С. Маркова, Ю. Нейман, Я. Смелякова. Большая повесть Т. Булавина «Китайская стена», талантливые рассказы В. Васильева, М. Дальшевой, А. Писменного, О. Ковалевского, пьеса М. Зощенко «Опасные связи», повесть М. Платошкина «Месторождение» и ряд других произведений составляют отдел прозы альманаха. Наибольший интерес вызывает пока еще никак не названный отдел, где писатели говорят о своей работе, о своей жизни. Коллектив переводчиков под руководством И. Кашкина дал альманаху интересную работу: Э. Хемингуэй — Писатель о своем деле. Это собрание введено в сокращенном виде в альманах о творчестве. Здесь же печатаются «Записные книжки» И. Ильфа и «Воспоминания об И. Ильфе» Е. Петрова. Своеобразный дневник писателя, в котором афоризмы часто расширяются до новеллы и новелла

ОБРАЗ ЛЕНИНА В ТЕАТРЕ, ДРАМАТУРГИИ И КИНО

31 мая во Всероссийском театральном обществе открывается творческая конференция, посвященная изучению образа Ленина в театре, драматургии и кино. На конференции, которая продлится четыре дня, с докладом выступят актеры и драматурги, работающие над образом Ленина. Конференцию откроет Алексей Толстой. В программе конференции доклады: И. Альтмана «Образ Ленина в искусстве», А. Каплера «Образ Ленина в кино», А. Гуревича «Образ Ленина в театре и драматургии». Членом конференции выступят 6 творческих художественных произведений в Ленин.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К числу писателей, забываемых иногда, относится несомненно Д. Мамин-Сибиряк, высоко талантливый уроженец Урала. Широко известно, какую положительную оценку его творчеству давали В. И. Ленин и М. Горький; знаем, как любил его советский читатель. И тем не менее Д. Мамину не уделяно достаточно внимания. Нет полного собрания его сочинений, о нем очень мало написано, еще меньше сделано для распространения его произведений. Важнейшим местом для показа основных этапов жизни и творчества Мамин-Сибиряка должен был бы явиться Дом писателя в Свердловске. Сам писатель Дом писателя в Свердловске. Сам писатель Дом писателя в Свердловске. Сам писатель Дом писателя в Свердловске.

ШЕСТЬ ЭСКИЗОВ

Рассматривая проекты памятников Алексею Максимовичу Горькому, по странной ассоциации, я вспомнил вдруг его писательский стол. Стол, за которым он работал последние годы. Ничего лишнего не было на этом столе. Ни массивных малахитовых приборов с бронзовыми львами или драконами. Ни затейливых подсвечников, бюваров, пресс-папье, столь красиво и пышно отделанных, что пользоваться ими просто невозможно. На блюде, — чтобы чернила не проливались, — стояла небольшая стеклянная чернильница. Сбоку лежало несколько аккуратно отточенных карандашей. Рядом — большого формата листы писчей бумаги с разнотипными полями для заметок. Коробка папирос, болтушка писельница — Горький много курил во время работы. Вот и все. Стол казался пустым. Самое необходимое. Горький сидел, если чей-то рукой перекалывались вещи, если кто-нибудь нечаянно или по незнанию его привычек пробовал нарушить образований, раз навсегда заведенный порядок на его столе. Взглянув на этот стол и поймешь сразу — здесь трудился мастер, который не любил мшур, побрякушек, украшений ни в жизни, ни в работе, ни в доме. И в жизни и в искусстве Горький писал просто, ясно. В рукописях начинавших писателей он тщательно высказывал путанные мысли, выдуманные сравнения, дешёвые эффекты, словесные парадоксы и штампованности. Горький ненавидел всё, что мешало ему видеть в книге главное, видеть правду. Об этом свойстве великого гуманиста, возмущению, забыли многие из скульпторов, принимавших участие в конкурсе на проекты памятников Горькому. Много его вычурного в иных работах, много внешнего, надуманного, выколочарного. — Раздуваемые ветром плащи.

Надуманность, выколочарность, дурное свойства декоративности иных проектов бросаются в глаза не только профессионалам, ценителям искусства. На выставке есть книга отзывов. В ней хранятся записки посетителей, к которым следует прислушаться. Проведу и фальшь в искусстве чувствуют все, даже самые не искусственные в его преимуществах люди. Чаще всего встречаются в книге отзывы советы: — Проще лучше. — В простоте есть величие. — Больше скромности. — Не делайте Горького нервным. — Уберите скалы, заменяющую постамент. Постамент должен быть простым и строгим. — Не нужно нагромождать. Советы весьма разумные. В большинстве отзывов высокую оценку получают проекты трех скульпторов: В. Мухомовой, И. Шадрова и А. Матвеева. Проект Матвеева — полная противоположность меркуровскому. Он строг, сдержан, благородно закончен. Спокойно представленную фигуру Горького Матвеев охватывает от всякого рода мелких подробностей и деталей, которые могли бы нарушить пластические свойства скульптуры и неприятно выпятыться при увеличении эскиза до заданных для памятника размеров. Однако есть в этом эскизе некоторые не свойственные Горькому качества. Горький здесь слишком «в себе», замкнут, даже бесстрастен. В этом — серьезный недостаток проекта, выгодно отличающегося от многих других по культуре выноса. И Шадров представил на конкурс несколько работ. В целом эти работы дают законченный и полный образ Алексея Максимовича. В варианте для памятника Шадров изображает юного, устремленного вперед, страстно жаждущего решительной схватки со старым, умирающим, но все еще страшным миром. Высокий, стройный, жилистый, юноша-Горький воплощает собой молодость и силу народа. Руки, сложенные за спиной, в этом — сдержанный до поры до времени порыв млеющей, протестующей против зла и несправедливости. О большой, углубленной работе Шадрова над воплощением образа Горького свидетельствуют скульптурные эскизы: голова Горького. Это — полное, серьезное «думающее» искусство. Сжатые гу-

бы. Грубовато и резко вылепленные скалы, глубокие морщины. Лицо много страданий и сумевшего подняться над страданиями человека. Лицо мыслителя и борца. Для Москвы Шадров дал проект, в котором мы видим Горького таким, каким знали его в последние годы. Спокойная, ясная, с печальной простотой вылепленная фигура великого мудреца. Он слегка опирается на трость, как будто шел и останавливался на мгновение, вопрошающе и с радостной уверенностью смотрит в даль, в будущее. Зрелые годы гения, прожившего огромный жизненный опыт, отдавшего все свои силы, весь свой талант народу, людям, которых только он умел так любить. В этом старце угадываешь внутренний огонь, способный зажечь сердца миллионов. Великое богатство мыслей и чувств в этом человеке, но нет в нем ни усталости, ни равнодушия. Таким мы знаем Горького, таким воссоздает его облик Шадров. Очень зрелый с точки зрения мастера художника, благородно-простой, умный проект памятника молодому Горькому представляла на конкурс В. Мухомова. Вот искусство, которое не нуждается в привлеченных названии мотивах, эффектах, всякого рода «декорациях», ибо верна в нем идея, правдивая мысль, выраженная пластически. Прямой, собранный, сильный человек стоит перед нами. Уверенно и гордо поглядывает голова. Лицо человека, который не может не победить и знает об этом, потому что его оружие — истина. Беспощадного врага обрел в этом человеке польный, злой, изысканный мир лавочников, мещан, палачей и трусов. Руки сложены за спиной. Грудь открыта порывам ветра, претвещающего бурю. А буря идет, нависает, вот она — гранит. Когда смотришь на памятник работы Мухомовой, видишь, что изображенный ею человек — это и есть Горький, рожденный великим народом гений. И приходит на ум горьковское: «И если уж надобно говорить о «священном», — так священо только недовольство человека самим собой и его стремление быть лучше, чем он есть: священно его ненависть ко всякому житейскому хламу, созданному им же самим; священно его желание уничтожить на земле зависть, жалость, преступления, болезни, войны и всякую вражду среди людей, связанных его трудом».